

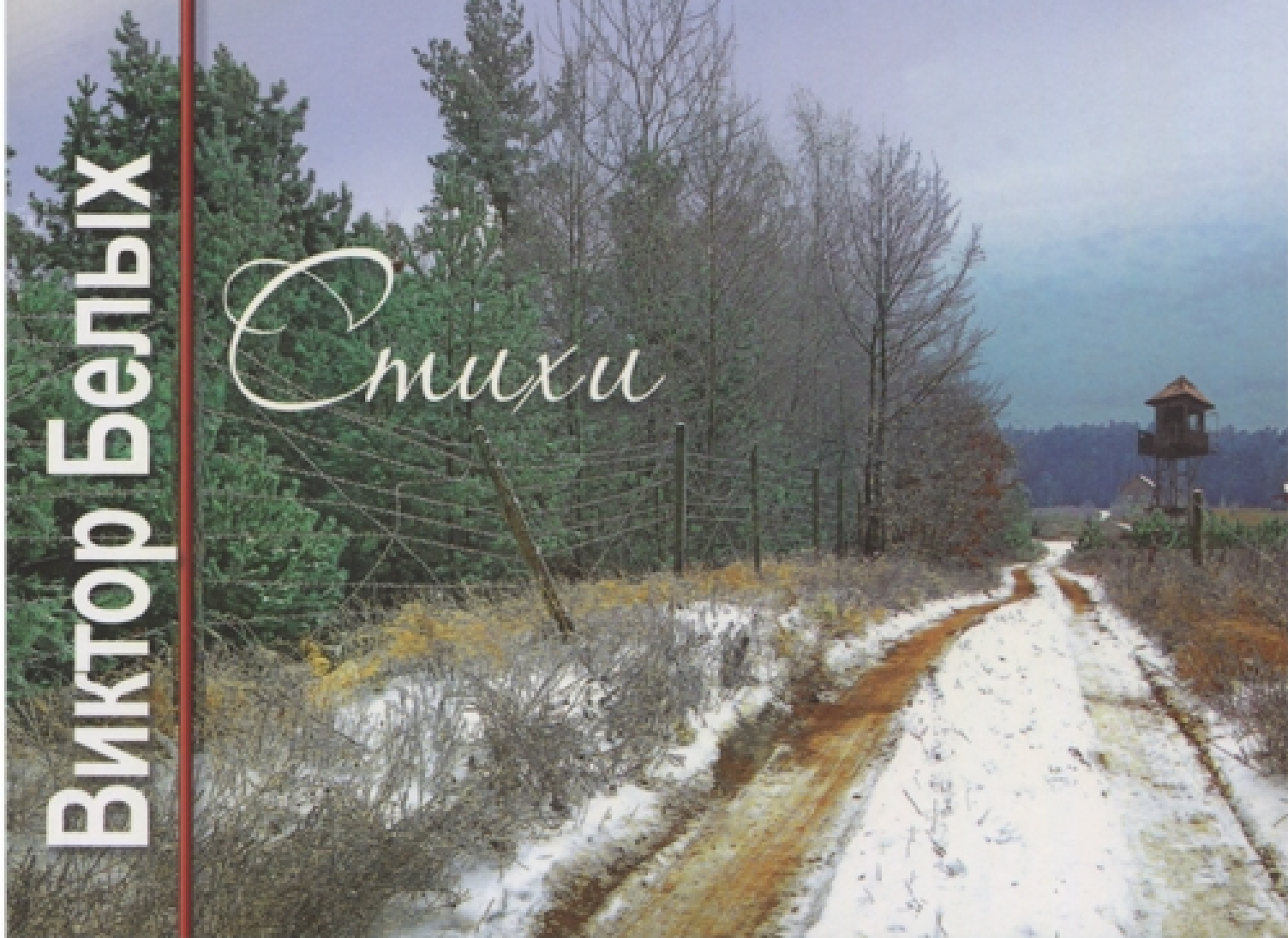


ПОД КРЕСТОМ, ЗА ХРИСТОМ

*Автобиографическая
повесть*

Стихи

Виктор Белых



К читателю

Четверть века я провёл в тюрьмах, лагерях и ссылках, страдая за веру, за имя моего Господа Иисуса Христа, потому что исполняется Его слово: «Гнали Меня, будут гнать и вас». Я благодарю Господа, что в эти невероятно трудные годы Он дал мне милость устоять и остаться Ему верным.

Мои братья и сёстры не раз просили меня рассказать о моей жизни. И я решил выполнить их просьбу — неизвестно, сколько времени нам ещё отпущено.

То, что у меня получилось, скорее похоже на хронику, чем на повесть. Но если описывать всё в подробностях, получится толстая книга. А сейчас не время для этого. Христос скоро придёт, и нам надо к этому готовиться, укрепиться надеждой на Господа, полностью отдать Ему свои сердца и свою жизнь и молиться, чтобы в любых обстоятельствах быть верными Ему.

С такой целью я писал. Это было у меня на сердце, и да благословит Господь каждого, кто будет читать эти «Воспоминания».

Автор

Биографическая справка

Епископ Виктор Иванович Белых более сорока лет являлся ведущим епископом в пятидесятническом движении бывшего СССР.

Родился 6 апреля 1925 года в г. Золотоноша Черкасской области. Водное крещение по вере принял летом 1943г. В этом же году был крещён Духом Святым и после образования в 1943 г. Золотоношской Церкви ХВЕ, стал её членом. Церковь ХВЕ г. Золотоноша вошла в Союз церквей ХВЕ (председатель Г. Понурко).

В апреле 1948 г., рукоположенный на служение благовестника Виктор Белых принял участие в подпольном съезде служителей ХВЕ в г. Днепродзержинске, после которого был арестован и осуждён на 8 лет. Наказание за проповедь Евангелия отбывал в лагере г. Инта. По освобождению в Интинской Церкви ХВЕ был рукоположен на пресвитерское служение епископом А.И. Бидашем.

Осенью 1956 г. Виктор Белых был рукоположен на епископское служение епископом А.И. Бидашем и И. Воробцем в г. Черновцы. Трудился в руководстве Союза церквей ХВЕ, которые не вошли в ВСЕХБ или впоследствии вышли из ВСЕХБ.

Осенью 1958 г. В.И. Белых был арестован и после суда в мае 1959 г. был отправлен в Воркуту, а некоторое время спустя 6 мордовские лагеря.

В 1976 г. епископ Белых, освободившись из ссылки, поселился в г. Дубоссары (Молдова) и продолжил служение в Правлении союза Церквей ХВЕ. Виктор Иванович провел в тюрьмах и в ссылках 25 лет.

В воскресенье 25 февраля 2001 года в 4:25 утра перестало биться сердце начальствующего епископа Объединённой Церкви Христиан Веры Евангельской стран СНГ и Балтии Виктора Ивановича Белых. Его много раз обещали «сгноить в Сибири», но он мирно почил в Господе на 76-м году жизни и был похоронен на Аллее Славы г. Рыбница.

За несколько дней до своей смерти он преподавал, как обычно, богословие и экзегетику студентам Рыбницкого Библейского колледжа. Великие испытания допустил Господь в его жизни, но он с помощью силы Божьей перенёс их, став для нас героем веры.

Первые шаги и первые трудности

Мне посчастливилось родиться в семье верующих. При царе мои родители жили в Екатеринославе (потом его переименовали в Днепропетровск). Там они уверовали в баптистской церкви. С детства я привык, что в доме молятся и читают Евангелие, а также гонения я тоже видел с детства. После гражданской войны, во время голода и разрухи, семья переехала в Полтавскую область, город Золотоношу. Там я родился 6 апреля 1925 года. У меня были две тётки, мамины сёстры — Дуня и Марина. Они жили вместе, вели хозяйство, держали скот, а также имели небольшое поле. Тётя Дуня уверовала девушкой в 1910 году. Мать привязывала её за косы к кровати, чтобы не ходила на собрание. Православные гнали баптистов, даже не давали хоронить на кладбище.

Баптистских проповедников арестовывали и сажали в тюрьмы. Один из них, по фамилии Зиновьев, жил в деревне Дробово, Полтавской области, откуда родом моя мама и ее сёстры. Однажды тётя Дуня взяла меня с собой в соседнюю деревню навестить жену брата, который был в узах. С раннего детства я понимал, что это значит быть в узах, и с большим благоговением смотрел на жену узника.

Марина рано осталась вдовою. Детей у неё не было, и они с тётей Дуней прожили вместе пятьдесят лет. Я часто затем бывал у своих тётушек. Они любили меня, рассказывали мне о Господе и ещё, я запомнил, поили молочком. А потом наступил НЭП. Жить стало легче, и верующих на какое-то время перестали преследовать.

Брат Иван Джура вместе с Дуней и Мариной арендовали помещение для собраний. Написали плакат: «Веруйте в Евангелие», ходили с ним по городу, приглашая людей на собрание. Через некоторое время образовалась церковь Евангельских христиан баптистов. Позже мой отец был дьяконом и регентом этой церкви.

В 1934 году в нашу церковь пришёл брат Турбин-пенсионер. Он приехал из Николаевской области. Он был исполнен Духа Святого и сказал баптистам: «Без освящения словом и Духом Святым вы не церковь». Объяснил, что значит освящение. Народ начал каяться, исповедоваться, проводили время в постах и молитвах. Сначала исповедовались друг перед другом, открывали грехи, а он сказал: «Исповедуйтесь только в моём присутствии». Церковь разделилась во

мнениях — одни приняли, другие не приняли. А он — объяснил по слову, действительно написано: «Признавайтесь друг перед другом в проступках ваших и молитесь друг за друга». Когда мы так поступаем, в народе возрастает любовь, доверие друг ко другу, а перед служителем исповедоваться все равно надо, потому что он поможет вскрыть корни греха и даст наставление, как с ним бороться.

Постепенно в церкви настал мир. Люди ревновали о Духе Святом, молились, постились. И Дух Святой посетил восемь членов церкви, в их числе были мои отец и мать. Моя мать пела в хоре. Однажды она вывихнула ногу и не могла ходить, а надо было идти в деревню на собрание. Брат Турбин помолился, она встала и пошла. Он много молился и постился, иногда ночи проводил в молитве. Однажды он ночевал в одной семье, спать не ложился, молился всю ночь, а наутро говорит: «Господь мне открыл: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Сестра, в доме которой он ночевал, подумала: «Стоило ли всю ночь не спать. Я это и так знаю». А когда он объяснил ей, что это значит для каждого из нас, — она сказала: «Стоило». Однажды он пришел в нашу семью во время молитвы, когда все стояли на коленях. Он сказал: «Дети, молитесь». Мы стали плакать, и я ощутил присутствие Духа Святого, и после этого всегда молился Господу, видел духовные сновидения. -

Вскоре арестовали брата Турбина и расстреляли как врага народа без суда и следствия. В Черкассах тоже верующих постигли сильные гонения, собраний не было, встречались по несколько человек, ходя друг к другу в гости.

У меня были сестра и брат. Мы учились в школе. До седьмого класса я учился хорошо. Брат и сестра ходили в школу во вторую смену, а я — в первую. Я увлекался игрой в домино.

Однажды брат с сестрой играли в домино на русской печке, и вдруг домино полетело вниз, на пол. Очи собрали его и снова положили на печку. Закрыли глаза, и оно вновь полетело, а потом полетела сковорода, лампа и другие предметы. Они выбежали во двор. Мать в это время пришла с базара. Собрались люди, вошли в дом. И все видели, что кто-то кидает различные предметы, а кто не видно. Приехали пожарные, НКВД, поискали на чердаке, ничего не нашли и уехали. Часам к трём всё утихло.

Я пришёл из школы, мать мне всё рассказала. Отец был на работе. На другой день отец не пошёл на работу, а я в школу. Часов в десять утра пьём чай, и вдруг полетело: щётка, капуста, картошка. Сестру ударило капустой по ноге, картошкой по голове. Приехали из НКВД. Собралась толпа народа. Отца арестовали, приставили к груди оружие: «Что ты сделал?» А что он мог сказать? Так продолжалось и на следующий день, вновь НКВД и толпа народа. И тут верующие опомнились и совершили молитву.

В сновидении отцу явился сатана, который сидел в печке, в огне, и говорил: «А что, напугал?» Спасло нас от выселения то, что отец не был кулаком. Он работал на железной дороге, а мы хорошо учились в школе. Мать вызывали в НКВД и требовали, чтобы она сказала, что всё это подстроили кулаки, чтобы сорвать предстоящие выборы. Но мать отказалась.

Так в детстве я узнал силу Божью и силу дьявольскую.

Юность

Собраний не было. Все остыли, охладели. Мы, дети, жили школой и тем, что там преподавали. Хорошо учились, примерно вели себя. Окончил девять классов. И тут началась война. Когда немцы были у Днепра, меня вызвали во фронтовую разведку. Сказали, что нужно идти через Днепр. «Не говорите родным, оставьте документы». Дали задание, напутствие, и я пошёл к Днепру, где стояла замаскированная военная флотилия. Нас было двое из нашей школы. Ночью бомбили село за Днепром, и нас рыбаки на лодке повезли на другой берег к немцам, чтобы выяснить всё по заданной программе и вернуться назад. Дали пароль для рыбаков-бакенщиков.

Недалеко от берега мы вышли из лодки. Глубина выше груди, а мы в одежде. Хорошо, что лето, вода тёплая. Напарник стал плакать, а я говорю ему: «Война, что ты плачешь?» Укрылись в кустах и до утра подремали. Утром подсушились на солнце и пошли, как нам сказали, на дорогу, ведущую в село Свидивок, Черкасской области.

Слышен шум машины, говор немцев. Идём по высокой траве. Вдруг видим шалаш из лозы, к нему два немца идут, разговаривают, а нас не замечают. Мы упали в траву. Немцы зашли в шалаш. Мы бегом на дорогу. Идём. Встретили немецкий пост — солдат с автоматом. У нас был хлеб и масло. Он дал нам немного поесть — не отравлено ли, а остальное забрал себе и повёл нас в штаб. Видим, немецкие солдаты в трусах морковь по огородам ищут. Это передовая, а на том берегу — военная флотилия. Завёл меня какой-то немец в сарай, показывает в угол. Стал лицом к нему, думаю: «Стрелять будет». Он начал кричать — я повернулся спиной. Оказалось, что на перекладине лежит седло, и он требует, чтобы я его почистил. Другой немец протягивает мне в солдатской тубетейке зелёные помидоры. Хочу взять один, но он ударил меня по руке. Оказывается, я должен был подержать их, пока он вскочит на лошадь. Вижу, мой напарник уже был в штабе. Меня ведут в штаб. Майор сидит в халате, рядом переводчик, спрашивает по-украински. Отвечаю на вопросы: «Идём из Белой Церкви, из детдома к тётке в Дубнёвку». «Мы проверим, есть ли там ваша тётка, а то попадёт тебе и твоему товарищу. Теперь мы не можем пустить вас в Дубнёвку: это отсюда десять километров лесом, и там партизаны. Будете работать в части на кухне». И мы работали, чистили картошку,

прятались от своих снарядов. Три дня были на свободе, а потом нас посадили заложниками. В любое время мы могли быть расстреляны, если партизаны убьют немца. Один раз так случилось, но переводчик сказал, что майор пожалел нас по молодости. Видно, Господь хотел меня сберечь.

Однажды рано утром я посмотрел в окно и вижу, что двое молодых парней стоят в белье около ямы, плачут, умоляют... Это были молодые разведчики, такие, как и я. Видно, попались на деле. Когда дали залп, я упал на колени и призвал имя Господне, просил сохранить, привести к отцу и матери, которые не знали, где я нахожусь.

С немецкой частью мы попали в Дубнёвку. Я помогал лошадям тащить по песку амуницию, а про тётку, что я говорил, они, наверное, забыли, потому что обстановка была очень горячая, и нам удалось убежать.

Вышли по паролю на рыбаков, но они не имели возможности переправить нас на ту сторону фронта. Пошли в Черкассы, узнали, что на Золотоноше кончается окружение. Пошли в село молотить хлеб у одной бабки и, узнав, что Золотоноша взята немцами, вернулся домой к радости родителей. Они уже думали, что я пропал без вести.

Верующие баптисты собирались по домам. Немцы не препятствовали. Однажды в нашем доме было собрание, и мать говорила, чтобы я остался на собрание. А я ходил от калитки до дверей, думал — остаться, не остаться. И остался. Навсегда. Молодёжи не было. Я мучился целый год, хотел трудиться. Был как бы в тисках. Измученный, однажды встал на колени, стал каяться и молиться, чтобы Господь освободил меня от мучений. И, слава Богу, я был услышан и получил освобождение. Вскоре стал свидетельствовать. У нас организовалась группа молодёжи. Мы собирались, пели, играли на гитаре. И это всё было в оккупации.

В селе Пидеставки, километров двадцать пять от Золотоноши, зажёгся огонь Пятидесятницы, потом перекинулся в другие сёла. Двоих из наших баптистов там Господь крестил Духом Святым. В среде баптистов началось брожение. Я сказал пресвитеру, что хочу пойти в церковь пятидесятников и посмотреть. Он не советовал мне, но не запретил. Я пошёл в село Могины, где пресвитером был брат Юрий, рукоположенный Воронаевым. Первое впечатление: поют и играют, как мы, а молятся не как мы. Дали мне наставление читать от

Луки 11 главу, стихи 10-13. Я прочитал, что Отец не даст камень, скорпиона или змею, как говорили баптисты, а даст Духа Святого. Возвратившись домой, я месяц молился, просил Духа Святого с великою жаждою и получил. Это было в 1943 году. Исполнился Духом Святым с пением, пророчеством и иными языками. Прижимал Библию к сердцу и не знал конца радости. Бог вселился по слову Своему в моё сердце, а вокруг говорят: «Бога нет». Водное крещение принял у баптистов в том же году.

Через некоторое время огонь Пятидесятницы перекинулся в Золотоношу. Однажды немцы окружили наш город с автоматчиками. У нас было около трёхсот членов церкви. Отобрали трудоспособных и поместили в местную школу. При молитве школу потрясло землетрясением. Полицаи бросили оружие, кричат: «Давайте нам Евангелие». А немцы отправляли в Германию вагоны, переполненные верующими. После этого в Золотоноше образовалась церковь христиан веры евангельской. Епископы Понурко и Бут, рукоположенные Воронаевым, организовали Союз церквей христиан веры Евангельской, и церковь Золотоноши вошла в этот союз. Наши соседи, староста (православный) и вся его родня покаялись, повыбрасывали из домов ажурные иконостасы и стали членами церкви. Уверовали мои соученики по школе Юра и Алексей. Юра пришёл однажды ко мне и стал играть на гитаре. Говорю ему: «Я поставил новые струны, а они должны славить только Господа». «Так ты верующий? А я ищу Господа и истины». Он пошёл со мной в собрание, и скоро вошёл в нашу церковь. А Алексей остался у баптистов.

Однажды вижу сон: стихии бушуют вокруг горы, а на горе — дом спасения. Говорю людям: «Идите, спасайтесь — скоро двери закроются». А они отвечают: «Да, такое бывало и прежде», и не торопятся. Потом вижу — двери закрылись. Внутри дома спасения — Церковь в образе женщины в духе. Толпа людей у дверей дома спасения и Церковь производит суд. Люди рвутся в двери, а Церковь спрашивает каждого: «Служил ли ты Господу?» Один кричит: «Я служил Господу!» Ну, если служил, скажи хоть «Отче наш». Отвечает: «Я спросонок забыл. И Церковь в двери его не пускает. С другой стороны дома стоят верующие и простирают руки к Церкви: «Спаси нас!» В этой толпе я вижу Алексея. Он простирает руки, а в руках пакет. Церковь взяла у Алексея пакет и дала его мне, не читая.

Раскрыл, а там документально доказывається: он покаялся в противлении Духу Святому за два дня до того, как закрылись двери. Церковь меня спрашивает: «Что, он покаялся на два дня раньше?» Я в слезах радости, что она его пропустит в двери дома спасения.

...Фронт приближался к Золотоноше. Немцы, отступая, жгли здания фабрик, заводов, дома, убивали жителей.

Господь сказал: «Вас и всё ваше я сохраню». Мы вышли в лес, за город. Город горел как свеча, объятый пламенем и дымом. Немцы в панике, но с боями отступили за Днепр. Мы вернулись в наши дома, которые остались целы.

Пришла вновь советская власть. Рождённых в 1924 году сразу отправляли на фронт, а тех, кто родился в 1925 году — на подготовку, эшелонам в Саратов. В церкви Дух Святой сказал: «Страдать будете, а жизнь сохраню». Я поехал вместе с Алексеем в Саратов.

В Саратове

Привезли, и сразу — комиссия. Меня направили в госпиталь на лечение. Диагноз — дакриоцистит — нет проходимости омывающей жидкости от правого глаза в нос. С таким дефектом я родился. Война. Голод и холод, госпиталь, и... курорты. Но я молю Господа, чтобы из госпиталя не идти в санчасть. Слышу пророчество: «Я тебя избавлю». Молюсь неотступно. Месяц лечения результатов не дал. Врач выписала, завтра уходить в санчасть. Но моя вера говорит: этого не может быть. Ночью открылась форточка, и я, продрогнув, вскочил и от сильного головокружения упал на постель. Врач пришла и говорит: «Симулируешь?» «Полежу до послеобеда и пойду», — отвечаю я. Она меня направляет к терапевту. Пульс сто пятьдесят. «Куда же ты его выписала?» — спрашивает. Начали лечить сердце. ещё месяц курортов, потом на комиссию. Стою у дверей, молюсь. Захожу, а там профессор. Определил: расстройство сердечно-сосудистой системы. Статья — к армии непригоден. Через пересылку отправили меня на Саратовский подшипниковый завод. Поселили в общежитии. Работаю сапожником. Питание очень скудное, голодаю. Вспоминаю: «Страдать будешь». Потом открылись курсы шоферов, и я пошёл учиться. Дольше у меня права шофёра 3-го класса, с 1943 года. Работаю на полutorке, часто бываю в детском саду. Там меня кормят. Поехали однажды за песком. Съехал с натопанной дороги и застрял. Двое рабочих говорят между собой: «Что за шофёр, не ругается?» Копаюсь. Только получил права, стыдно идти в гараж за помощью. Молюсь: «Господи, помоги». Идёт взвод солдат на стрельбище. Взяли на раз-два и подняли машину, поставили на твёрдую дорогу. Готов был их обнять, а Господа славлю.

Сидя в парикмахерской в ожидании, свидетельствую тем, кто ропщет на тяжёлую жизнь. Один меня поддерживает. Потом говорит: «Зайди ко мне домой», дал адрес. В воскресенье захожу. Баптисты.

Он — непутёвый, а жена — прилежная христианка. Она говорит: «У нас корова, приходи на базар — молоко буду тебе давать». Но я в военной засаленной одежде, хоть и голодный, не осмелился прийти за молоком. Иногда приходил к ним по воскресеньям. Потом работал на автобусе, возил в город на оформление шестнадцать заводских пассажиров. Это по норме и до тридцати без нормы. Питаюсь, как

положено, в итээровской столовой, не так голодаю. А потом перевели меня и других молодых шоферов возить дирекцию завода. Вожу семь заводов. Все они — евреи, а прикреплен к главному инженеру. От завода город в двадцати километрах.

Девятого мая 1945 года кончилась война. Всенародное ликование. В семье знакомых баптистов узнаю, что уже есть собрание. По грунтовой дороге еду в командировку в город Вольск. Дорогу размыло дождём. Помдиректора по снабжению грузит мою эмку (М-1) на пассажирский пароход, называемый «Спекулянт». Выгружаюсь своим ходом на товарной пристани. Там никого нет, только одна девочка лет девяти. Потом узнал, что из НКВД к верующим послали агента. Четверых арестовали, а я в это время на машине приехал на собрание. Но девочка Нина, дочь капитана, крещённая Духом Святым, которая стояла на товарной пристани, узнала от отца, что машина с «Шарика» и предупредила меня. Теперь я часто бывал среди баптистов. Там было несколько верующих, крещённых Духом Святым. Проповедую на Троицу о Духе Святом. Баптисты просят: «Молитесь, чтобы нас Господь крестил Духом Святым». Вскоре образовалась группа крещённых Духом Святым. С нами был Женя Кондраков из Енакиево (Донбасс), прилежный и мужественный христианин. Потом я встречался с ним в его родном городе, он был там пастырем церкви. Уверовал Николай Егоров, который впоследствии тоже стал пастором церкви.

Я пошёл в десятый класс вечерней школы. Уверовал Володя Богатырёв, с которым я жил в общежитии. Мы учились с ним вместе. НКВД стал за мной следить. По их указанию меня несколько раз вызывал директор. Приглашали в комсомол. «А я верующий — можно?» Говорят: «Нельзя». Рабочие прописаны, забронированы в войну за заводом, уехать нельзя. Учился хорошо, хотел получить золотую или серебряную медаль, чтобы без экзаменов поступить в институт. Таких директор отпускал. Но я медали получить не смог, так как не было документов за 7-й класс.

Что делать? Встали с Володей на колени и начали молиться. Господь говорит: «Пиши заявление, иди к директору. Я тебя освобождаю». И действительно. Директор отпустил меня — хотел избавиться, потому что НКВД постоянно интересовался мною. Он подписал заявление, и

меня уволили. Все удивлялись, потому что даже семейных не отпускали.

Кончилась война. Стали ходить первые пассажирские поезда. На вокзалах толпы народа за билетами, по длинным спискам. Молюсь на вокзале: «Господи, много народа за билетами на поезда, но они у тебя не просят. Я, наверное, один прошу». Дух Святой говорит: «Бери вещи и приходи». Пришёл на вокзал с друзьями. Билетов нет, разобрали по брони. Сел на чемодан и жду. Посадка через два часа. Прошёл час. Друзья говорят: «Сдадим чемоданы, а завтра приедем». А я всё жду. Подходит человек и говорит: «Вам нужен билет на Москву?» И я поехал поездом Саратов — Москва.

В Москве посетил центр евангельских христиан баптистов на Маловузовском переулке. Председатель Жидков вызвал меня, когда я стал беседовать с верующими о Духе Святом. Встретил Митю Джуру, сына пресвитера баптистов Золотоношской церкви. Он уверовал в Германии. Повёз меня к баптистской молодёжи в Одинцово. Когда мы молились, их всех посетил Дух Святой. Они были в восторге и спрашивали: «Что это такое?» Впоследствии Митя и вся молодёжь были крещены Духом Святым.

Решил вернуться в дом отца и матери. Разруха, голод. Пошёл на маслозавод устраиваться на работу. Директор предложил идти шофёром: «Пиши заявление». Я не стал сразу писать заявление, вышел за ворота завода, молюсь: «Господи, здесь моё место работы?» А Господь мне отвечает: «Твоя работа с Библией в руках. Я пошлю тебя в другой край».

Неожиданно один старичок из баптистов предложил поехать сапожничать в Брест. Молюсь, Господь отвечает: «Я путь благословляю, но Сам управлю». И вот еду в Киев, в телячьем вагоне, вместе со старичком. Пересадка. Поезд Харьков-Киев забит, народ едет спасаться от голода на Западную Украину. Прицепились на ступеньки. Кондукторша говорит: «Когда проедем перрон, пуцу в тамбур вагона». Поезд тронулся, и мой старик сорвался. Молюсь: «Господи, останови поезд». Поезд встал. Теперь я взялся за два поручня, старика держу, чемодан с колодками между ногами. Поезд тронулся. Я сорвался с колодками. Старик уехал. Что же мне делать? Молюсь. И Господь отвечает: «Ты не туда едешь. Вот идут люди. Куда они, туда езжай и ты. И я вспомнил, ведь Господь сказал, что Он Сам

управит мой путь. Среди этих людей была мама Мити Джуры. Она ехала на Западную Украину, где уже раньше жила. Товарным поездом доехали до Киева. В пути молюсь: «Где старик?» Получаю ответ: «В Киеве». Искал, не нашёл. Ехать мне надо в Новоград-Волынь, а билет на Брест. Пошёл перерегистрировать билет, а кассир говорит: «У тебя на билете не поставлена станция прибытия: куда хочешь, туда и езжай». Написал: «Новоград-Волынь», закомпостировал, и мы поехали.

На Ровенщине

С мамой Мити Джуры добрались до дома, где она жила. Оттуда, по совету пресвитера, я пошёл в ближайшую церковь в Подлиски. А перед тем, как я пришёл, в церкви было сказано: «К вам придёт юноша, примите». И они меня приняли. Неделю я проповедовал в церкви, а потом решил ехать домой, чтобы кто-нибудь не подумал, что я прячусь от голода.

Думаю: «В субботу — собрание, в воскресенье — собрание, а потом поеду». Встаёт Ганна, слепая, и говорит: «Что ты тут мыслишь? Я тебя послал на труд в Мой народ». Я пал на колени.

В воскресенье в церковь Подлиски пришли два брата, Михаил и Марк, ровенчане. В постах и молитвах они просили силы Духа Святого для подъёма церкви, рассеянных во время войны. Господь услышал их молитвы и послал им силу и дары. Они получили дар откровения сердечных тайн, дар веры, исцеления больных, силу для изгнания бесов. Предложили церкви исповедание для освящения. Верующие заходили по одному в комнату, а потом выходили и молились. Я находился там, где молились. Господь многих раскаявшихся крестил Духом Святым.

Потом Господь открыл мне, чтобы я шёл в церковь Харучи. Поехали вместе с Михаилом и Марком. В той церкви были баптисты, некоторые крещённые Духом Святым. Пресвитер говорит: «Если моей слепой жене даст Господь зрение, то я признаю, что с вами Господь». Стали молиться. Жена говорит: «Я вижу». «Расскажи, какими ты нас видишь». Рассказала, и глаза закрылись. «Я вас не постыдил, но неверным не даю» — сказал Господь. Баптисты не хотели исповедоваться. Брат Михаил давал им записочки, где перечислялись грехи. Он дал записку и дочери пресвитера Оле.

Она стала читать и как зарычит. Мы стали молиться, она упала. Спрашиваю бесов: «Сколько вас?» Отвечают: «Три» «Как ваше имя?» «Дух блуда». Три часа бес кричал: «Что вы, священники, меня мучаете?» Духом Святым мы повели ему выйти. Он вышел с криком и пеною. Она встала и говорит: «Жаба ушла с моей груди».

После этого мы пошли в церковь села Грушовка. Почти все в этом селе верующие. Несколько девушек сидели на задней скамье, боясь своих православных родителей. Исповедовались по одному. Две

сестры скрыли грехи и упали. Мы стали молиться, они поднялись и сознались. Комната большая, народу много, все молятся. В этот день Господь крестил Духом Святым пятьдесят братьев и сестёр. Тут было много детей. Они бегали, а потом встали на колени, и их всех Господь крестил Духом Святым. Мы дали людям наставление к освящению, преподали причастие и пошли в церковь села Быстричи. Тот же труд освящения, исповедания. В одной молитве Господь крестил Духом Святым сорок человек. Во многих местах церкви собираются вместе, собрания длятся всю ночь.

Так мы с братом Михаилом и братом Марком прошли церкви в Сосновке, Митенине, Духовке, Березне, Поленах, Немовичах, Бавше, Тыinne, Зносычах и дошли до Сары.

Многие церкви на Ровенщине образовались от благовествования брата Столярчука, исполненного Духом Святым, имевшего дар истолкования. Каждая церковь имела молитвенный дом строили ещё при Польше.

Наступила осень. Я одет легко. Хочу поехать домой одеться. Господь говорит через сосуд: «Я пошлю тебя в другой край и восполню твою нужду». И вот я в церкви села Полены, где жила семья брата Михаила. Это бедные земли Полесья. Там меня одели, обули. Там я видел видение: мы плывём по живой реке, радость великая. Потом вышли на берег, а впереди врата Нового Иерусалима. Нас встречает старик с большой белой бородой. Спрашивает: «А вы знаете путь превосходнейший?» Думаю: «Какой ещё лучше путь, когда у нас столько радости в живой реке?» Старик говорит: «А вы помните, семьдесят учеников говорили от радости: «нам бесы повинуются», а где они? Помните, путь превосходнейший — это сочетание даров Духа Святого с любовью».

Когда мы снова вернулись в свои церкви, то стали учить о любви, ибо мы видели, что, несмотря на великую силу, которая там действовала, многого недоставало от того, что не были научены любви.

Братья Михаил и Марк вернулись домой на осенние семейные заботы, а я продолжал труд с епископом Мыкитой Коленником. Наш труд был похож на труд Ездры, когда народ вышел из Вавилонского плена: четверть дня читали закон, а четверть дня исповедовались. Я прочитывал перечень грехов из Писания, потом исповедовались по

группам — братья, сёстры, молодёжь. Брат Мыкита со всей строгостью требовал покаяния. Если при тяжком грехе его не было, говорил мне: «Пиши: исключить». Все в слезах покаялись, потом молились. Прощались с нами радостно. Так мы прошли церкви Кричильска, Малого и Большого Желуцка, Рафаловки. Тут встретились с малограмотной Параской из села Цепцевичи и пользовались её уникальным даром. Местами Писаний объяснялись нужды, открывались тайны сердечные.

Потом поехал в Киев. Там познакомился с гонимой Киевской церковью и братом Иваном Левчуком. После Киева побывал в церкви Обухова. Впоследствии я часто навещал славную христианскую молодёжь этой церкви. Она стала близкой моему сердцу своей любовью, ревностью и простотой. Я писал им позже, находясь в узах: «Я помню ту радость, блаженство общения исполненных Духом Святым горячих сердец».

Тучи советской регистрации нависли над церквями Ровенщины, которая ещё раньше подавляла свободу совести на Востоке. Религия коммунизма — это государственный атеизм, а человек — бог, кующий свою судьбу, а партия — «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Предлагаемые условия регистрации предусматривали одолеть церковь. Но её и Нерон не одолел. Она победила верою и терпением. Но на Ровенщине кончилась свобода. Церковь пошла в огонь испытаний, как и на Востоке. В годы ВОЙНЫ верующим было послабление из-за Западных стран, с которыми вместе воевали против Германии. Тогда баптисты, евангелисты, православные — все были освобождены, никого не преследовали. Но наши братья Воронаев и Колтович из уз не вернулись.

В 1945 году, в августе, пригласили епископов ХВЕ на беседу о слиянии с Союзом евангельских христиан баптистов. Среди них были: Бидаш и Пономарчук с Украины, Панько из Белоруссии, Вашкевич с Западной Украины. Баптисты делали это под давлением УГБ, дабы угасить огонь Духа Святого. Подписали так называемое августовское соглашение — признать крещение Духом Святым с языками и без языков, омовение ног не практиковать. Началось смятение и борьба на местах. Что сказать? Масло и вода взбалтываются, но не смешиваются. Кончилось взбалтывание, и многие церкви вышли из объединения.

По этой причине весной 1947 года в городе Киеве собрались епископы, пресвитеры, благовестники, чтобы обсудить, как дальше быть. Присутствовали Бидаш, Бут, я и Левчук. Решили разъехаться по своим местам и спросить Господа.

«Пойдете в узы защищать истину»

Вновь мы встретились в Киеве в том же году, через несколько месяцев. Все привезли волю Божию: «Пойдёте в узы защищать истину». Вот одно из откровений во Львове, где я был: «Идём мы по дороге, оказываемся в узах. Там будут вас бить языками, как плётками. Потом колючая проволока. Проволока разорвалась, и победители на белых конях выехали на труд».

Получили также откровение: «Труд продолжайте». И мы продолжали труд в церквах среди гонений и преследований. Решили собрать более представительное совещание служителей. В апреле 1948 года в городе Днепродзержинске собрались служители гонимой церкви ХВЕ. Выработали решение — с баптистами нам не по пути. Мы можем быть лишь отдельным союзом Христиан Веры Евангельской по нашему вероучению. Когда я ехал на совещание, то видел сон. Пшеница после зимнего застоя пошла в рост. Вдруг ударил мороз. Я переживаю. Но вновь пригрело солнце, и пшеница, невредимая, зазеленела.

Один из пресвитеров Киевской церкви был завербованный агент КГБ, и он, как Иуда со Христом, был с нами. Мы об этом узнали и перенесли прежде назначенное место встречи. КГБ шлёт ему из Киева телеграммы, но мы их перехватили и узнали, что нас ищут. Закончили наше совещание и разъехались. Началась погоня. Шестнадцать участников совещания, кроме предателя, были арестованы, кто в пути, кто дома. Я ночевал в Днепродзержинске. Наутро меня арестовали. Вот эти имена (я, к сожалению, помню не всех).

Епископы: Афанасий Бидаш из Пятихатки, Филипп Шокало из Кривого Рога, Ильчук с Западной Украины.

Пресвитеры: Миснора, Яшник из Днепродзержинска, Цыганюк из Череповца, Никитчук из Здолбуново Ровенской области.

Дьяконы: Фёдор Яшник из Днепродзержинска, Чухрий из Чернобыльской области, Марин из России, сестра Мария из Днепродзержинска, Иван Левчук и я. Всего нас было шестнадцать.

Днепродзержинская тюрьма

Первое впечатление — люди здесь есть, есть кому проповедовать и первое стихотворение:

Узник

Сижу заключённый, лишённый свободы,
Под тенью высокой ограды,
Не вор, не убийца, не праздный монах,
Не тот, кто бунтует народы.

Я самый простой из незнатных людей,
Лишь правду любил я на воле.
Людям я открывал жизнь Христовых путей,
За что и сижу здесь в неволе.

Ко мне не доходит речь вольных людей,
Сокрыта от глаз вся природа
Сквозь щели оконные взоры очей
Лишь зрят глубину небосвода.

И в мрачную камеру солнце порой
Сквозь щель пробивает лучами...
Так слышно, как ровно идёт часовой,
Звеня непрерывно ключами.

Меня здесь ругают, позором клеймят,
Безумным глупцом называют,
За «сор» почитают, метут, как хотят,
Словами во прах повергают.

Но — нет! Я вперёд, по Голгофским путям...
В молитвах обиды прощаю:
«Прости, мой Господь, этим гордым людям,
Тебя они, смертны, не знают...»

г.Киев, 1948 год

А вскоре я написал ещё одно стихотворение.

На день рождения

Сижу заключённый, лишённый свободы,
За мрачной высокой тюремной стеной
И мыслю о том, как прожил свои годы,
Что ровно прошли двадцать три чередой.

Рождённого сына мать грудью кормила —
Святую молитву шептали уста.
Творцу благодарность она возносила,
Просила, чтоб сын жил для славы Христа.

И рос так младенец... и детство настало.
Я стал понимать, что живу на земле,
Увидел, как солнце прекрасно сияло,
И жизнь прекрасной казалась мне.

Но время прошло и открылось пред мною,
Что дни здесь не вечны, есть горе и страх,
И царствует зло над порочной землёю,
А жизнь повергается смертью во прах...

А Вечность лишь в Небе, где Бог и Спаситель...
...Мне мать рассказала про милость Христа:
«Он умер распятый: воскрес — Победитель!
А грех, ад и смерть — у подножья креста...»

И стал я молиться... Христос мне явился
В видении ясном с высот голубых,
Из облаков славы на землю спустился,
Ко мне подошёл, как Один из простых.

И мы с Ним вошли в избушку простую,
Где жил я с родными... Сказал Он потом:
«Мы хижину эту разрушим земную,
А новый на небе построим вам дом!»

Промолвил и... скрылся!.. А я умилился,
Расстаться с Христом не хотел никогда...
Он, дивный, явился... и Духом вселился
Мне в детское сердце, чтоб жить там всегда.

И детское сердце Иисуса любило,
И славу Ему воздавали уста...
А люди вокруг все о Боге забыли,
Судили и гнали за веру в Христа.

Так вырос я... Отрок... В школе учили,
Что Бога ведь нет и не было Христа,
Лишь много загадок науки, — твердили, —
Вся жизнь до могилы, надгробья, креста

И так шли года... Лет шестнадцать мне было,
Когда гордый мир захлебнулся волной,
Житейское море всем злом взбушевало,
Народы вздрогнули кровавой войной.

И я этой бурей народных страданий
Был брошен в пучину предсмертных скорбей,
Где мучились люди, без слёз, без рыданий,
Потом погибали вдали от друзей.

Предстала пред мной гробовая обитель,
И нету надежды... кто б руку подал...
Но... вдруг слышу зов: «Вот я здесь — Твой Спаситель... —
...Я Тот, Кому в детстве ты сердце отдал».

И тихо рыдая, я Богу молился,
Просил я Христа от меня не уйти,
И Он, Милосердный, с любовью явился —
Последняя пристань на смертном пути...

И дивно спасённый Христом, я отдался
Своим юным сердцем Ему навсегда,
До смерти быть верным Ему обещаю,

И жизнь посвятить для святого труда.

И пылко, всей грудью взывая, молился.
Он Духа Святого мне в сердце послал,
Чтоб смело трудился, людей не стыдился
Распятого Агнца везде возвещал.

...И вновь этой бурей народных волнений,
Что хлынула горем обратной волной,
Я брошен был в море, в пучину мучений.
Но... Богом спасенный, вернулся домой...

Испытанный в вере и духом горящий,
Я ПОСЛАН БЫЛ Богом на ниву труда,
Чтоб Церковь поднять, пробудить народ спящий,
Кто жаждет, сказать, где живая вода.

И счастлив я был, хотя плоть утомлялась
Без сна, в дорогах, постах и скорбях,
Душа моя в вере и силе мужалась,
Чтоб дальше идти по тернистым путям.

И вот эти терни: тюрьма, одиноко...
Заключён под стражу, как будто злодей...
И злые насмешки, глумливы упреки
Я слышу от гордых коварных людей.

Вот так я прожил почти четверть века,
За что Богу славу возносят уста.
Дни будущей жизни, судьбу человека
Я отдал в руки Иисуса Христа.

И в память прошедших годов вот слагаю
Без ручки, бумаги стихи... — всё в уме
В день мой рожденья числом утверждаю
Шестого апреля в Столичной тюрьме.

г.Киев, 1948 год

Воскресенье, день приёма продуктовых передач. Узники говорят мне: «К нам придут, а твоя мать так далеко живет». Но друзья пришли ко всем заключённым, и ко мне тоже.

Через месяц нас отправили в закрытую Киевскую тюрьму КГБ. Камера без окон, без света, полтора метра длины, ни стола, ни койки, одна лавочка. Как же узнать, когда день, когда ночь? Ага, когда будут кормить — это день. А как спать? На полу, голову под лавку, ноги под себя. Ведь я же за Христа, надо терпеть под крестом, со Христом. Этой волей Божьей прошёл все годы уз.

Думал, что так я и буду многие дни в этой конурке. Но через три дня меня перевели в камеру с окном. Длина уже не полтора метра, а три. Можно шагнуть, и койка есть — три железных прута. Оказывается, та конурка была расфасовочная, а эта карантинная — на 13 дней. Прошли эти дни, и меня повели вверх по этажам, в камеру. Люди сидят на полу, книги читают, и койка одна с теми же удобствами — три прута без матраца и постели. Спим на полу в своей одежде, при свете. Глазок постоянно мигает, нас охраняют. Надзиратель в тапочках по коврику бесшумно ходит. В десять отбой, спим мёртвым сном. Через полчаса вызывают тех, кто на букву «Б». Это меня. «Белых, пошли на прессованный стул». Это до полшестого утра. ещё полчаса сна и в глазок, и так каждые полчаса, — не спи, не дремли. Пища скудная. Голод и бессонница. Это метод выколачивания признания из невинных.

Шестнадцать

Столичная тюрьма сокрыта мрачною стеною.
Здесь, в тесных камерах, мы — узники — сидим,
Не видим солнца, только лишь порою
Сквозь щель оконную в небо мы глядим.

Шестнадцать нас. Тюрьма для нас — обитель,
Друг другу братья, мы все с семьи одной.
Нам Церковь — мать, Христос — Благой Учитель,
А Бог Святой — то нам Отец родной.

Мы не грабители, нам чужды зло, обманы.
Мы не убийцы, руки в нас чисты.

У нас закон — Любовь. Мы люди христиане,
Хотя наш дух и твёрд, но сердцем мы просты.

Мы — Богом избраны, в крови Христа омыты.
И Дух Святой Залогом дан в сердца.
Идем мы в Вышний Град, Врата туда открыты
Сынам и дочерям Небесного Отца.

Мы — соль земли и светом светим миру.
Мы проповедуем Распятого Христа,
ЖИВУЮ ИСТИНУ, не мёртвого кумира.
Лукавства нет, и совесть в нас чиста.

Мы — граждане Небес, сыны Отцовской славы,
В сем мире — странники, пришельцы на земле.
И здесь, вдали от врат родимой нам державы,
Христово поругание мы носим на себе.

Нас гордый мир безумными считает,
Поносит с яростью, неправдою клеймит...
Христову истину юродством называет,
Творца Всевышнего ругает и хулит.
Нас умертвить хотят пожизненной тюрьмою,
Работой каторжной и в дальних лагерях,
Но ведь бессмертны мы, хотя просты собою,
Но Дух Святой живёт у нас в сердцах.

Мы духом Вечные!.. И смерти мы не знаем,
Святая Истина живым Столпом стоит,
Хотя мы изгнаны и в тюрьмах здесь страдаем,
Христову Церковь ад не победит.

Христовы воины!.. Тернистыми тропами,
Страдания путём мы к Вечности идём.
Христос вознаградит бессмертными венцами,
Пред Ним мы гимн победы воспоём.

г.Киев, 1948 год.

Мы с Левчуком ходим к одному следователю. Через ночь не спим. На утреннюю дневную пайку хлеба кидаются, чтобы горбушку взять и сразу съесть. Я ниточкой на части режу. Вечером ложка каши и пять граммов сахара — бутерброд с кипятком. Вера и терпение — средство устоять в истине. Нас шесть в камере. Лето — духота. На следствие ведут через двор. Киевские каштаны дышат — глотаешь воздух — вот она свобода. Нужна живая вера, чтобы устоять. Проходит полгода, следствие закончено, подписывается двухсотка — статья такая. Дело идёт на суд. Разрешили дать знать о себе родственникам. Приехала мать, потом узнали друзья Киевской церкви, Обуховской. Приехали, накормили, одели в тёплую одежду — скорее всего, отправят на север.

Воскресный день

Ждём суда, и вдруг все оказались в одной камере. Мы уже осуждены особым совещанием КГБ. Зачитали приговоры: за антисоветскую деятельность мне дали 8 лет, Бидашу и Левчуку по 10 лет, и другим, кому сколько, не меньше 5 лет.

Юность

...В жертву на алтарь пред Богом Всемогущим
Я сердце возложил в начале юных дней,
И посвятил Христу лета весны цветущей
В пылу молодых желаний и страстей.

А гордый мир, прельщённый тленной славой,
Я отвергнул пред Богом навсегда.
И время дней золотых не тратил для забавы
В греховных прелестях бесплодного труда.

И дней молодых прекрасные порывы,
И пламень юности, горящий у груди,
На труд святой восстали, верой живы.
Узрел я цель бессмертья впереди.

Я к ней иду тернистою тропею,
В тюрьме страдая, слёзы часто лью...
Но сердцем вижу я Христа перед собою,
Ему я в жертву юность отдаю.

И здесь в тюрьме тоскую я порою,
Но сердце ровно бьётся так в груди,
И знаю я, что в родину святую
Иду по этому тернистому пути.

И не страшат меня оковы заключенья,
Ни тяжкий труд, ни дальность лагерей.
Страдать за истину даёт мне вдохновенье
Надежда будущих счастливых в Небе дней.

Сокрытый в узах я, но дух мой на свободе,
Что Бог даёт спасённым во Христе,
Её там нет, где грех царит в народе,
Где мыслит каждый только о себе.

Свобода вечная в садах тенистых рая,
Где души страждущих воспримут мир святой,
Где жизнь цветёт, любовью озаря
В чертогах вечности незыблемых покой.

В тот вечный дом моя душа стремится
На лоно мира, счастья и любви...
Под древом жизни там хочу сокрыться
И отдохнуть у Иисуса на груди...

Мы за колючей проволокой, но для Слова Божия нет уз

Итак, мы на крайнем Севере, за колючей проволокой, в политлагерях Воркуты, Инты и Абеса. В лагере для инвалидов наши епископы Бидаш и Шокало.

На спинах у нас номера, как у автомашин, у меня А-220. Наш Интинский называли минлаг, а Воркутинский — речлаг, там номера ещё на шапках и на рукаве. Это уже больше, чем у автомашин. Нас в лагере встретили как гостей очень вкусной пищей: варёный конский неочищенный овёс для голодного желудка, как манка для детей. Сначала мы вчетвером были на пересылке, затем нас отправили в распределительный лагерь, в будущем сангородок. Ведь здесь лагерей много и заключённых в угольном бассейне Интауголь пятьдесят тысяч, малая частица громадного ГУЛАГа, где одновременно помещалось семнадцать миллионов людей. Здесь, в строящемся городке, мы встретили прораба Яблонского Войцеха Николаевича из села Нерколово Винницкой области. Он уже отбыл два года из вторых десяти лет. У него была Библия. Мы имели общение. Работал я у него ночным сторожем. Ночь, завтра праздник Пасхи. Говорят, что солнце играет перед Пасхой. Ожидаю восхода. Вот заря загорелась. Трепетно всматриваюсь, встречая Жениха. Вижу: на фоне зари вышла золотая чаша на выходящем круге солнца. Значит, правильно говорят: играет, тому кто этого ожидает — ведь Христос воскрес.

Гимн хвалы Творцу

Великий Бог, Всеведущ, Всемогущий,
Творец Премудрый неба и земли,
Творенья гимн, хвалу Тебе несущий,
Как жертву Авеля к престолу ты прими.

Заря взошла, природу пробудила,
Зачала песнь сияющего дня.
Поёт о том, какая в свете сила,
Как тьма бежит от Божьего огня.

И хор запел: луга, поля и горы,

Леса и степи, реки и моря,
И всей земли великие просторы
С восторгом славят Вышнего Царя.

Приятно им сиянье жизни света.
В Нём их дыханье, слава и краса,
Его теплом вселенная согрета,
И рождена живительна роса.

Хвалебный гимн поёт тебе созданье,
Перстов Твоих величье, чудеса.
Всему Ты жизнь дал, силу и дыханье,
Что наполняет землю, небеса.

Поют Тебе все рыбы океанов,
Морей и рек и множества озёр.
И птицы всех родов, пород и всяких станов
Хвалой наполнили подоблачный простор.

Звериный страшный рёв, и нежный голос чайки,
Жужжанье пчёл, и рыбы шорох тих,
И шумный хоровод всех жителей лужайки —
Слились хвалой Питающему их.

Поют, поют: зима — метелью, стужей,
Весна — цветущим голосом садов,
И лето, продолжая песню ту же,
Встречает осень, полную плодов.

Поют, поют — четыре поры года,
И день и ночь хвала их не молчит.
В каком народе ни была б природа,
Она о дивном Боге говорит.

И светлая луна, покой их охраняя,
Как страж ночной, чуть слышно песнь поёт.
И миллионы звёзд, песнь эту повторяя,
Как славу воинства, Творцу хваленье шлёт.

А солнце, солнце — дар Господней славы,
В лучах Его несметная хвала
Творцу за то, что всей земной державы
Оно источник жизни и тепла.

Земля поёт, и небо славит Бога,
«Осанна в вышних!» — Ангелы поют,
В стенах славного, небесного чертога
Достойному честь, славу воздают.

Какая песнь, какие дивны звуки!..
Но что ещё Творцу недостаёт?..
Кого ещё создали Его руки?..
И кто молчит, кто песню не поёт?..

О, человек! — Перстов Господних слава,
Тебе Творец всё в мире покорил,
И чем наполнена вселенная держава,
Тебе, о человек, Всевышний подарил.

А ты молчишь, восстань скорей, проснися,
Заря взошла — Христос пришёл к Тебе.
К Нему иди, к Нему иди, явися
Таким, как есть, ведь Он зовёт к себе.

Приди и пой про дивное спасенье,
Победы песнь Простившему тебя,
Про смерть и жизнь, про славу воскресенья,
Тому, Кто в жертву миру дал Себя.

Приди и пой, твоя ведь песнь всех выше
В ней полнота любви и чистоты
И жизни вечной, данной тебе свыше
Крестом Голгофским, встань, воспой и ты!!!

Ты, Церковь, пой, земля Тебе внимает,
И небо вторит дивным тем словам.

Хвала Творцу, Кто грешников спасает,
И град небесный дал Своим сынам.

Хвала! Хвала! Осанна! Аллилуйя!
Воспойте юноши, и дети, и отцы,
Все племена, языки, торжествуя,
Творцу воспойте, всей земли концы.

КТБ всё время следит за нами. Вдруг Войцеха посадили в тюрьму, которую он сам построил. Развозят по лагерям. Нас двоих на первую и вторую шахты в центре города Инта. Войцеха — на третий лагпункт. Работаю в шахте, в системе снабжения сжатым воздухом отбойных молотков. То переносу вслед за движущейся лавой воздуха провода, то дежурным слесарем кладу по лаве с наклоном 47° и пластом 1,7 м. Температура здесь +5°C. Ношу забойщикам отбойные молотки, меняю молотки, ремонтирую шланги. В шахте не обедают. Восемь часов рабочего времени. Первая, вторая и третья смены. На поверхности рабочий день 12 часов. Кончилась смена, моемся в душевой и спешим в столовую. Помещение с узкими воротами. Тысяча ээков ломаются в эти ворота, а за ними станки для обыска. Снимаем верхнюю одежду, обувь, идём босыми ногами по опилкам. Ищут ножи, топоры — ведь в лагере враждебные группировки. Режут и убивают. Итак, мы у ворот коридора, опутанного колючей проволокой, соединяющего рабочую зону с лагерем. Голодная толпа нажимает на ворота. Солдаты греются, ээки мёрзнут. Наконец, выходят с длинными досками, где списки бригад и их количество. Наперебой кричат: бригада такая-то. Вот пошла тридцать третья. Солдаты считают. Одного не хватает назад. Бригада в ярости. Все кричат, ищут, а человек где-нибудь в душевой застрял или в тесных воротах обыска ещё не одолел. Когда он появляется, бригада поучает, чтобы не опаздывал. Толпа нажимает на ворота. Солдаты бьют досками по головам, закрывают ворота и идут греться. Легче работать, чем пройти в зону. Верю, и в подземелье Господь слышит молитву.

И здесь, в подземелье, где мрак гробовой
Тяжёлою сыростью дышит,
Склоняю колени свои я с мольбой
И верю, что Он меня слышит.

Библия в узах

Прошло полтора года. Господь сотворил чудо. Я работаю в котельной шахты. Тепло, светло, уютно. Нас четырнадцать братьев: половина узники за веру, половина уверовали в лагере. Начальник котельной — наш брат, а я — начальник смены. У меня в бригаде все верующие. Нас именуют «святая бригада». Начальствующим, по закону лагеря, полагаются нижние нары возле прохода и тумбочка. Это даёт возможность проводить собрание между нарами. В моей тумбочке два дна. Там хранятся Библия, Евангелие и десятиборник. За шесть лет на этих собраниях была преподана вся Библия, от Бытия до Откровения, с тематическими объяснениями. Братья Юра и Пётр Белоцерковский имели дары откровений, и это нам очень помогало при изучении Священного Писания, как написано: *«Да даст вам духа премудрости и откровения к познанию Его»* (Еф. 1:17); *«Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью»* (Кол. 3:16).

Хотели получить откровение на Откровение Иоанна, а Господь сказал: «Рано вам. Занимайтесь Евангелием». Всё наше богатство в узах — Библия. Господь сказал: «Забудьте — на время свои дела, свои семьи. Научитесь Меня здесь любить, научитесь Мне здесь служить». Ношу Библию и на работу — там она тоже нужна. Обрато в зону несу за поясом, под рубашкой. Иду на обыск к надзирателю, но он по животу не гладит. Господь хранит. У нас три смены. Все братья проходят через котельную. У нас тепло, уютно. На поверхности работают по 12 часов. Со смены идут на ужин, и не все столы бывают заняты. Мы открыли Библейские курсы за пустыми столами. Но однажды нас окружили надзиратели. У меня в руках Евангелие, у Пейво Библия. Анатолий Мазунов сделал вид, что убегает. Надзиратели бросились за ним в погоню. В это время я отдал Евангелие официанту. Пейво спрятал Библию в обувь (сапоги у нас тяжёлые, широкие). Повели на вахту, обыскали; записи, конспекты отобрали, а Библия и Евангелие были спасены.

Кто же мы — церковь узников? Серафим Марин — начальник котельной. Войцех Яблонский, тот самый прораб, который вначале взял меня к себе ночным сторожем. Петр Белоцерковский, чуть глуховат, дитя природы и святая простота, имеет 25 лет сроку, бывший

коммунист. Его жену Марию взяли ещё раньше его, она в Караганде. Дочку забрали в детдом, откуда механик шахты взял её на воспитание. Они из Лисичанска, что в Донбассе. Юра из Днепродзержинска, уверовал через Петю Белоцерковского. В котельной Господь многих крестил Духом Святым. Это возбудило ревность, и за полмесяца все уверовавшие в лагере были крещены Духом Святым. Вот их имена: Василий Щеглюк из села Мотовиловки Киевской области, Александр Чайка из сионистов, Анатолий Лазунов из баптистов. Он за христианскую веру получил 10 лет. Пейво Казикомп — сын эстонского генерала, репрессированного после оккупации Эстонии.

В лагере также уверовали: Лёва (фамилию не помню) — москвич. Его отца взяли в 1937 году за то, что он написал в библиотечной книге «Сталин — Иуда», и получил 10 лет. Володя Беляков бежал из Эстонии на «райские советские кущи» — и получил 10 лет. Степан (фамилию не помню) бежал из Чехословакии, — тоже 10 лет; Семён Натяжко и Кирилл Воднюк дали хлеба бандеровцам, за это — 25 лет; — Яков Вибе и фельдшер Павел Иванович Штуберт — русские немцы. Группа немцев-лютеран, человек десять, уверовали в Евангелие, покаяться, приняли водное крещение и были крещены Духом Святым.

Связь со «свободой» мы держали через Николая Пивменко, «власовца», уверовавшего, который работал на нашей шахте. Он приносил нам вино для причастия, через него отправляли письма. Нам разрешалось написать родственникам два письма в год. И ещё у нас была своя «почта». Между двух досок клали пачку писем, за каждое — рубль. Всё вешалось на гвоздик, где грузили уголь, засыпая его из бункера. В пачке писем — записка: «Деньги возьми, а письма брось в Почтовый ящик». Эшелоны шли в разные города. Так я рассылал стихи и письма друзьям. Иногда пакет возвращался в лагерный отдел КГБ, и меня вызывали на «обработку». Так песня «Земля бесплодная» дошла до народа Божьего.

Земля бесплодная, угрюмые просторы,
Безвидный край, далёкий — Воркута.
Вы приняли в железные оковы
За правду изгнанных свидетелей Христа.

Суровый край ты, север, но проклятья

От Божьих слуг тебе не услышать.
Зимы твоей холодные объятья
Мы тёплым словом будем вспоминать.

О, дальний север! Видишь, на бесплодые
Уже растут святые семена,
И на твоём заброшенном угодые
Плоды пожнут грядущи времена.

Твоя суровая полярная стихия,
И тундра мёртвая, и буйная тайга,
Как вся страна, огромная Россия,
Услышат весть свидетелей Христа.

Бессилен ты пургою ледяною
В сердцах огонь Господень угасить,
И всей колючей проволокой стальнойю
Не сможешь дух святых поработить.

Ведь День придёт, и скажет Бог Всесильный:
«Довольно, север, пленников отдай...
Весна пришла, посев настал обильный,
Сынов Моих на труд выпровождай...»

Падут оковы, цепи разорвутся,
Христовы воины свободу обретут,
Великой силой Духа облекутся
И знамя истины в народы понесут...

Главной заботой у нас было, чтобы не отобрали Библию. Мы усердно молились, и Господь хранил. Но не всегда всё было гладко. Однажды Петя Белоцерковский, лёжа на нарах, читал Евангелие. Это увидел надзиратель. У Пети стали биться колени от страха, что он заберёт книгу. И забрал, не взирая на просьбы заключённых. Через некоторое время Анатолий Мазунов пошёл к оперуполномоченному просить, чтобы он отдал Евангелие.

— Какое тебе Евангелие? Двое ээков убежали. Мне за них дадут пятнадцать лет, — огрызнулся уполномоченный.

— Мы будем молиться Господу, и Он защитит вас.

Он промолчал, потом выдвинул ящик стола, медленно достал книгу и протянул брату. Слава Господу, вновь Евангелие у нас! Как-то Анатолий читал Евангелие на улице. Это заметил оперуполномоченный всех лагерей Интауголь и отобрал.

— Гражданин начальник! Это моя жизнь. «Я буду Господу жаловаться», — сказал Анатолий. И через некоторое время, когда бригады шли на обед, этот начальник пришёл в лагерь, подозвал Анатолия и отдал Евангелие.

— Только никому не говори, — сказал он.

Рядом с нашим лагерем был женский. Там наши сёстрыузницы благовествовали. Их, вместе с новообращёнными, посадили в тюрьму. В тюрьме Господь подкрепил их Духом Святым. Мы с сёстрами имели нелегальную переписку. Водное крещение преподавали в небольших озёрах от шахтных выработок — шурфах. Три брата работали в инструменталке, там была горница. В ней совершали причастие. Господь говорит: «Я вас испытаю». И вот идёт служение. Чаша и хлеб стоят на тумбочке. Неожиданно входят два надзирателя. Я спрятал трапезу в тумбочку. Они стали делать обыск, роются в карманах бушлатов, а у меня в бушлате пол-литровая бутылка вина. Но мой бушлат они пропустили, а если бы нашли вино, пришлось бы сидеть в лагерной тюрьме месяца два. А в тумбочку не заглянули. Правда, у нас она была с двойным дном, как я уже говорил об этом. Когда они ушли, мы с благодарностью Господу окончили служение. Потом вышел указ, запрещающий ходить по чужим баракам, чтобы мы не собирались. Эту тумбочку с двойным дном мы носили из барака в барак, когда нас переселяли, а это случалось довольно часто. Котельную мы содержали в образцовом порядке — это сердце шахты. Начальство к нам относилось благосклонно, просили молиться за работающих в шахте, потому что там часто погибали люди. Мы молились, и Бог давал защиту. Петя и Юра работали в моей смене на стационарных паровозных котлах. Подхожу как-то к Пете во время его работы у котла. Он говорит:

— Брат Виктор! Вместо лампочки вижу Евангелие.

— Да, оно свет.

— Вместо манометра тоже Евангелие, — регулирует жизнь.

Юра кричит:

— Брат Виктор, скорей иди сюда!

Подхожу.

— Эх, опоздал! Такой большой Ангел стоял там, вдали.

В лагерь прислали двух молоденьких братьев из Ровенской области, Сашу и Мишу Мондзюк. Они быстро подключились к нашей жизни. А в лагере говорят лишь об одном: как и когда придёт свобода. Предполагаем разные варианты, но то, что открыло двери для многих, никто не предугадывал. 1953 год, март месяц — умер «отец народов», который был творцом ГУЛАГа. Господь показал в видении бушлаты за колючей проволокой. Что это значит? Потом начальство распорядилось: «Пишите жалобы». Мы стали писать. Петя Белоцерковский был осуждён на двадцать пять лет. Через два месяца вышел приказ: «Освободить». Петя в изумлении бьёт ладонями по коленям: «Как это могло быть, как могло случиться?» Пётр и Мария вернулись в Лисичанск, отсудили дочку, и снова вся семья собралась вместе. По жалобам и разборам комиссий многие выходили на свободу. Я тоже писал жалобу, но отсидел положенный срок и только в мае 1955 года освобоёлся на вечную ссылку.

Первым был освобождён брат Лёва. Ему собрали по лагерям семь тысяч рублей, и он купил у одной лютеранки полдомика над рекою Инта. Там проводили собрания. Вначале жили в подвалах пятиэтажных домов. Потом нашли в бывшем лагере недостроенный свинарник. Сделали своими руками пять квартир. Я жил в квартире, в семье брата Кирилла и сестры Нины. Собрания проводили каждый день, утешались свободой. Вскоре Дух Святой, по желанию народа, поставил меня пастырем церкви. Афанасий Бидаш, когда освобоёлся, ехал из Абеста домой, заехал к нам и рукоположил меня пресвитером церкви и ещё поставил семь дьяконов. Был у нас хор, и я был регентом. Церковь умножалась. Первое крещение преподавали в проруби; лёд — два метра толщиной. Вода была ледяная, а я — как бы в огне. Старался только, чтобы не дрожали губы. Никто не побоялся мороза. Все крестились — мужчины и женщины, молодые и старые. По вере никто не простудился, не заболел. Лето на севере короткое, и мы проводили крещение, не ожидая его. Братья-немцы пошли к лютеранам в другую половину дома и привели их в церковь. Из семи национальностей и людей разных исповеданий Господь сделал одно стадо. До тридцати сестёр приходили на собрание из лагеря по

пропускам. Мы их кормили и потом провожали до колючей проволоки, но уже не было ни вышек, ни охраны. Кто освобождался и оставался на вечную ссылку, искали жильё и работу. Мы им помогали. Кто уезжал, тем покупали билеты. Была у нас воскресная школа. Мы содержали детей, матери которых были ещё в узах. По откровению Духа Святого мне были открыты двери всех лагерей, и я мог посещать братьев-узников. Освобождали многих. Церкви Воркуты и Инты имели общение, пламенели Духом, служили Господу.

Узники

Мы — узники, братья-страдальцы за веру,
За правду дарованной с неба любви,
За слово Господне, за проповедь миру
О силе Христовой пролитой крови.

Изгнали за то, что Иисусу служили,
Жизнь вечную в Нём возвещали людям,
За то, что мы правду святую любили
И верою шли по Господним путям.

За веру в свидетельство Духа Святого,
За силу Его всех знамений, чудес,
Что тьму рассевают неверья земного
И людям вещают о славе небес.

Нас в узах томили, но силу святую
Оковы не могут собой удержать.
И адскую силу, коварную, злую,
Всегда будет в мире она побеждать.

Сей Голубь небесный, на крыльях спасенья,
Всегда будет в узы, к гонимым летать.
И лист с Древа жизни — сердцам исцеленье —
Господь чрез Него будет нам присылать.

Мы с Божией силой пройдем все сраженья,
С победой вернёмся в родные места.
И в дивной молитве святого общенья

Все вместе прославим Иисуса Христа.

Потом пал «культ личности», и с нас сняли вечную ссылку. Господь повелел мне ехать на труд в своё братство. Павел Егоренко остался пресвитером в церкви, а мы, несколько человек и часть хора, уехали и по пути посещали церкви. Посетили церковь в Каджероме, в тайге. Там не было служителя и не приносили маленьких детей, как это положено. Дети стали уже подростками, и их приводили в церковь. Проехали Москву и поехали к друзьям в Саратов. Они не забывали о нас в узах. Там совершили водное крещение.

В Новоузенске мы доставили много хлопот КГБ, организовывая служения. Но нас не тронули, а просили скорее удалиться, даже свой транспорт предложили. Посетили церкви Донбасса, побыли у Афанасия Бидаша в Пятихатке, заехали к моей маме в Золотоношу, посетили Киевскую церковь. В Житницах Житомирской области сочтали Сашу Тула и Лену, а потом из Львова разъехались по своим домам. Это была осень 1956 года.

В это время я вошёл в труд руководства церкви Христиан Веры Евангельской (ХВЕ). В городе Черновцы епископы Бидаш и Горобец рукоположили меня в епископы. С Бидашом мы посетили церкви Молдавии, с юга до Кишинёва. В Одесской церкви я встретил жену Воронаева, она уезжала в США. В это время Хрущёв объявил об «ошибках в атеистической пропаганде», и мы с Левчуком поехали в Москву искать свободу. Нам сказали: «только с баптистами». Начались переговоры, и мы убедились, что стоим на разных путях, хотя идём в одно царство. Господь сказал нам: «Я даю вам свободу, трудитесь». Гонимые церкви нуждались в подкреплении, наставлении священства, освящении. Автономная регистрация пленила некоторые церкви. Вышел указ об административных штрафах, запрет на воскресные школы, благотворительность. И снова начались гонения, репрессии.

Город Винница «тихое местечко»

В начале 1957 года в Пятихатке, где жил Бидаш, мы собрали совещание братьев-служителей, руководителей церкви ХВЕ. По предложению братьев я поехал в церковь Нижнеднепровска, чтобы рукоположить служителей. По возвращении узнал, что братьев арестовали и меня ищут. Я обратился к Господу: «Что мне делать?» Получил ответ: «Не иди в их руки. Я дам тебе тихое местечко, где ты потрудишься». Ночью я заехал к маме в Золотоношу. Она говорит: «Я трижды слышала голос: «Читай Псалом 90 — живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится». И я поехал искать «тихое местечко». В пути мне во сне явился Войцех Яблонский, которым я был в узах, и сказал: «приезжай к нам». Приехал я в Винницкую область, в село Ишвань. Там было братское, рукополагали служителей. Так я начал свой труд в церквях Винницкой области. Пока это действительно было «тихое местечко». Водился откровениями Духа Святого. В Виннице была создана молитвенная группа, где действовали дары откровений, видений и пророчества. Силою откровений Духа Святого мы останавливали лжепророков, лжеделателей, пресекали ереси, заблуждения, давали наставления служителям, подкрепляясь Словом Божьим и Духом Святым.

С одним братом мы пошли в село Никифоровку на служение. Сели на лавочку среди многих приезжих. Идёт молитва за очищение. Возглавляли её Лёня и его мать. После молитвы нам говорят: «Господь сказал, Он вас сюда послал». Отвечаю: «Молитесь, чтоб сказал, зачем Он нас послал». Молятся. Говорят: «Господь сказал, чтобы мы вас слушали». Итак, мы получили власть на разрушение заблуждения и восстановление церкви по слову Божьему.

В церкви села Никифоровка была объявлена молитва за очищение от бесовских духов, и туда стекался народ из разных мест не только близких, но и далёких. Благодаря откровениям мы определяли наличие нечистых духов, их характер и изгоняли их молитвами, постами, а иногда приходилось применять и физическую силу. Это очень тяжёлый и непростой труд, но Господь давал милость.

В селе Вороновице жила Соня, которая никого не приветствовала, пока не помолится с откровениями. Паломники шли сначала к ней, а потом в Никифоровку.

Иду в Вороновицу, нахожу Соню. Захожу в избу. Навстречу выходит Соня, и прежде чем она проговорила своё «я тебя не приветствую», я сказал Духом Святым: «Я тебя не приветствую, будем молиться». Господь обличил её в лжепророчестве, и она стала каяться и просить: «Браточку, спасай меня». «Оставь лжепророчество, возьми трёхдневный пост и совершай покаяние».

В этом селе мы молились в одной квартире, народу было довольно много. В окно увидели, что идёт милиция. Встали на колени. Видение: «Идёт лев». Во время молитвы две сестры и брат (он был очень похож на меня) вышли навстречу милиции. Их остановили и стали проверять документы у брата. Он оказался местным жителем, а сёстры в это время убежали.

В селе Забужье брат Семён давал сёстрам новые имена — Руфь, Сара, предварительно три раза покрутив пальцем в воде. Господь сказал мне: «Дал дары Мои, но пользуются превратно».

Затем пошёл в церковь села Забужье, где Семён был остановлен в его заблуждении.

В церкви села Заруденцы было несколько претендентов на пастырское служение. Мы объявили служение и молитву с постом для окружающих церквей. В конце служения поставили тайную нужду. Ответы подавали письменно. Потом встала девица пророчествующая и указала рукой на брата Семёна Лободзинского. «Этого Я поставлю пастырем церкви», — сказал Господь. И это подтвердили ещё восемь ответов на нужду письменно. Тогда я поднял всех претендентов и спросил: «Господь сказал?» «Да», — был ответ, и мы рукоположили брата Семёна.

В Винницкой церкви нужно было рукоположить пастыря. Был объявлен трёхдневный пост освящения церкви с исповеданием. Несколько претендентов на пастырское служение были агентами КГБ. В конце служения совершили молитву о пастыре церкви. Имеющие откровения входили по одному в комнату, на глазах всего народа. Все откровения указывали на брата Фёдора, как на пастыря церкви, а также разоблачали завербованных КГБ. Мы рукоположили брата Фёдора, а после рукоположения молились в его доме. Потом собрались пойти в село Некролово к брату Войцеху, но в молитве было видение: карта, на ней дорога на село Гриженцы. Брат Иван Лысок знал, где это

село, и мы поехали. Оказалось, что церковь в трёхдневном посте просит Господа, чтобы Он прислал служителей для освящения.

Там случилось такое: пастырь церкви вместе с женой пошёл на колхозное поле собрать ботвы от свёклы. Жена под ботву положила свёклу. Встретил их председатель и спросил: «Что несёшь?» Она ответила: «Ботву». Он посмотрел и нашёл свёклу. Пастырь от позора отстранил себя от служения. Было видение: народ по колено в грязи. Народ покаялся, исповедовались. Одна сестра исповедуется: «Взяла ботву, положила на повозку, повозка опрокинулась и буряки покатались из под ботвы. Меня обличили». В селе Гриженцы я и прописался, а жил в Гривани у братьев Гриши и Лёни.

В селе Янев, недалеко от станции Калиновка, проповедовалось еретическое учение Махтея-Кости. Мука для причастия — обязательно из непчатого мешка, а воду брать рано утром из колодца. Покрывало на столе трапезы должно быть красное, а сверху голубое. Все должны стоять босиком. После причастия — мыть руки. Рукоположенных служителей там было мало. Они выдавали себя за епископов. Они предложили устроить рукоположение, но при условии принятия их учения.

На молитвенной группе в Виннице было повелено Духом Святым: «Иди к ним с любовью, и я положу их лица на землю». Мы, несколько служителей, и братья, имевшие дары, поехали на их причастие. Меня заподозрила милиция. Проверили документы и отпустили. Когда ожидали поезда, на нас обратили внимание, и меня повели на проверку в КГБ. Я объяснил, что мы едем на богослужение в село Янев, и меня отпустили. Пришёл на станцию, а все уехали. Меня догнали братья Федос и Дармограй из села Широкие Гребни, и мы поехали вместе.

Приехавшие раньше молились. Через сосуд было сказано: «Идите, встречайте, идёт с Федосом и Дармограем». Присутствовали на причастии Махтея и Кости, увидели их ритуалы. После причастия я им говорю, как было сказано, с любовью: «Братья, вы уважаемые старцы, нам бы с вами трудиться». Предложили провести братское для решения вопросов о совместном труде. В селе, где жил Костя, на братском решили совместно трудиться в церквях, где они посеяли своё учение. В этом труде народ вышел из заблуждения, и они отлучили Махтея. Говорили, что дочь Махтея несколько лет рождает «Христа» и никак не родит.

В селе Зорном была группа обольщённых. Они закрывали окна, плясали, пели духовные частушки при всяких диких ритуалах. В церкви пресвитером был Костя. Господь сказал: «Отстраните брата Костю от служения. Он осквернён в грубой борьбе с обольщёнными. Поставьте другого пастыря, и Я обольщённых приведу к покаянию». Брат Костя был отстранён. Мы рукоположили Павла, и обольщённые пришли с покаянием.

Вечером мы с братом Павлом пошли на служение в село Почапенцы. Шли по протоптанной дорожке, через пахоту. Возвращались той же дорожкой часа в два ночи, потеряли дорожку, и блуждали до усталости. Брат Павел водил меня, искал дорожку. Говорю ему: «Брат Павел, давай помолимся, попросим Господа, чтобы нам увидеть на горизонте признаки селения». Помолились и пошли, и скоро пришли в село. Спрашиваю брата Павла: «Какое это село?» «Не знаю». Вошли в центр села. Оказалось, — те же Почапенцы. Только к утру мы добрались до села Зорного.

В селе Колюхове сестра Антося выходила замуж. Господь сказал мне: «На браке присутствуй, но сочетание поручи другому». Сочитывал пресвитер, брат Семён Лободзинский. Я стоял в саду под деревом. Агенты КГБ фотографировали, но меня не заметили.

В церкви села Бабина Долина ночью совершали причастие. Когда расходились, нас встретили машины милиции, но проехали мимо. Мы с братом Иваном из села Бронлово пошли отдыхать в одну семью. Легли спать. Будят. По селению ищут по фотографиям. В семье отец неверующий в страхе: «Меня оштрафуют». Мы с братом Иваном ушли из этого дома и пошли полями на Жмеринку. Догнал нас «бобик». Попросились довезти до Жмеринки — оказалось, что НКВД. Меня не узнали, и мы сошли у вокзала. Верующие, уезжавшие с причастия, ахнули, увидев меня в «бобике» НКВД. Говорю: «Это такси», и мы пошли на вокзал.

Конец труда на «тихом местечке»

Власти уже приходили в Гривань, где я жил. Господь повелел мне устроиться на работу. Я работал с братом Иваном Лысаком по монтажу завода в городе Немирове, там же и жил у сестры Оли. Однажды при выходе из завода меня встретили работники КГБ, посадили в «бобик» и увезли в свои апартаменты. Там сказали: «Ну, ты и потрудился во славу Господа в Винницкой области!», передали меня работникам КГБ Черкасской области и увезли в город Черкассы.

Братьев уже судили, и я не попал на их процесс, опоздал. В Черкассах меня отпустили под надзор КГБ, без права выезда из области. Поскольку я продолжал труд и разъезжал, КГБ усилило давление, чтобы ломить меня вызовы, предупреждения. Дали две недели, потом ещё две недели, но, поскольку я не прекращал труда, меня передали министру КГБ. Тот три часа кричал, угрожал и напоследок сказал: «Ещё один шаг, и десять лет». Поскольку этих запретных шагов я сделал много, меня арестовали в начале ноября 1958 года.

Когда я ещё свободно трудился, будучи в городе Днепродзержинске, где жил брат Юрий, который имел дар откровения и был со мной в лагере, я обратился к Господу с вопросом: «Что мне дано? Брак или безбрачие?» Получил видение: «Два букета становятся одним букетом. Рыбы самка и самец у гнезда. Муж бурит скалу, а жена поливает ему воду на спину». И было сказано: «Поезжай в Винницу, там Я тебе ещё скажу». Поехал я с друзьями, и было пророчество: «Тебе предстоит семейный очаг. Пристань к дому матери, и я приведу жену-невесту в твой дом». Находясь под надзором КГБ, я устроился на работу электриком на птицефабрику. Когда я нуждался в работе, было видение: «Труба кирпичная, белые куры и колесо, как у швейной машины». Работая на электростанции, сидя у распределительного щита, я вспомнил: кирпичная труба, белые куры птицекомбината и колесо электрического щита (для повышения напряжения при включении компрессоров). Однажды Господь сказал: «Завтра придёт та, о которой я тебе сказал». Я сказал маме и братьям в церкви. Это была Вера Нечипоренко из Москвы. Она приехала по пути в отпуск, в Кривой Рог, где раньше жила. У неё было поручение от Челябинской церкви, которую она посетила. Я дал сестре Вере прочесть 24-ю главу

Книги Бытия о Ревекке и сказал: «А теперь уезжай в отпуск и думай. По возвращении дашь ответ». Господь мне сказал, какой она даст ответ, и я написал ей стихотворение: «Приветствую тебя, Ревекка дорогая...»

Когда Вера возвратилась и дала ответ, я дал ей листок, где было написано, как Господь мне сказал, и стихотворение.

Ревекке

Приветствую тебя, Ревекка дорогая,
Навстречу мне ты вышла на порог.
Я ждал тебя, совсем, совсем не зная,
Кого навстречу выведет мне Бог.

И вышла ты... к колодцу поспешала,
Кувшин украсил голову твою.
Я пить просил ты скромно отвечала:
«Пей ты, я и верблюдов напою».

Верблюды с жаждой пьют, Ревекка их ласкает
Сердечной простотой, теплом своей души,
Сама того совсем не понимает,
Что ведь за нею в степь они пришли.

Но тайне подвига твоей любви сердечной
Домоправитель с радостью внимал,
И гимн хвалы Владыке жизни вечной
С великой радостью Он Богу воспевал.

Что сделал Бог, того нам не поправить,
Что Он сказал, того не изменить.
И на кого Свой взор любви направит,
Тому просимое всегда Он подарит.

Ревекка! Славна будь ты жизнью и делами,
И твой светильник пусть всегда горит,
Готовься в путь, верблюды перед вами,
Которых ты желала напоить.

Их Бог послал, и ты их повстречала.
Они твои, а также и того,
Кого не зная, долго-долго ждала,
Как друга, спутника и мужа своего.

Семейный путь — для вас он незнакомый,
Что встретите, делите на двоих,
Живите так, чтоб каждый был готовый
Для друга не жалеть последних сил своих.

Примером будет Тот, Кто был в огне страданий,
Терновник лишь украсил голову Его.
Крест полн мучений, слёз и воздыханий,
Там Кровь и раны Агнца твоего.

Он первый шёл и крест Свой нёс безмолвно,
Спасенье даровал погибшим чадам тьмы.
Он шёл на смерть, но сердце было полно
Святой любви, пленяющей умы.

Он нам служил, безропотно страдая,
И жизнь отдал за счастье всех людей.
Но мир, того совсем не понимая,
Желал Ему распятыя и гвоздей.

Примером этим учит нас, спасая,
Как нам любить, терпеть и побеждать.
Пойди за Ним, Невеста дорогая,
Жить со Христом и вместе с Ним страдать.

На Лобном месте — тьма, землетрясенье,
Там смерть лобзает гвозди и копьё,
Но там в саду Христово воскресенье,
Как солнце, разольёт сияние своё.

Идите в сад тот, наши дорогие,
У ног Христа вас Бог благословит
И скажет вам: «Любите вы друг друга

И будете со Мною вечно жить».

В присутствии мамы мы совершили помолвку, и она уехала в Москву.

Брак состоялся в Москве 1 января 1958 года. Сочетал нас пресвитер Саратовской церкви Николай Егоров. Вера работала в министерстве лесного хозяйства бухгалтером. Министерство могло меня прописать в Москве, но я не захотел. Они удивились: «Что за человек, не хочет жить в Москве?» Мы поселились в доме матери, в покосившейся избушке. После капитального ремонта она стала ровной избой. Прошло десять месяцев нашего брака, как нагрянула опергруппа КГБ. Целую неделю работали. Вызовы, обыски у меня и у членов церкви. В конце увезли меня на поезде в Черкассы. Вера была беременна на пятом месяце. Прибежала к поезду в последние минуты перед отправлением. Звенит звонок, а я весь горю внутри. Вера бежит, машет вслед поезду.

Бежала ты по узкому перрону.
Забилось сердце. Дух мой застонал.
Под лязг колёс, качание вагона
Тебя я скорбным взглядом провожал.

И как мне передать такую муку,
О, помоги мне, Боже, не роптать.
Я знал бои, но я не знал разлуку,
Не знал, что можно так томиться и скучать.

Зная мою скорбь разлуки, сотрудники КГБ приходили в камеру, убеждая отречься, — и на волю. Я сказал: «Дайте ордер на арест». Расписался и успокоился. Вперед за Христом под крестом!

Второй срок — десять и пять

И снова приняла меня темница,
Которую я знаю с юных лет.
Я чувствовал, что это повторится
Ещё когда с Христом вступил в завет.

Здесь так же всё, как было в дни былые:
Решётки те же, двери на замках.
И так же тихо ходят часовые.
И тот же перезвон ключей в руках.

Я вновь по камере хожу и сочиняю.
Стихи текут и — Семь шагов моей дороги к раю.

Уже по ночам не вызывают. Дали расписаться в том, когда взяли и когда возвратился со следствия. Читаю Библию по памяти. Хожу и хожу. Вытер пол до бела. Где поворачивался, там углубления. Как хочется слышать человеческий голос, находясь в одиночке!

Здесь камни, железо, холодная сталь
Безмолвием мрачным сплетают оковы.
Им боль — пустота, им рыдания не новы.
Унынье ползёт, и тоска, и печаль.

И голоса здесь не услышишь людского,
Знакомого сердцу, душе дорогого.
Жена не придёт здесь утешить меня
И нежною лаской тоску не развеет.

Любовь материнская здесь не согреет,
И скорби со мной не разделят друзья.

Один Ты со мной, в этой клети пустой,
И этой дорогой борьбы и страданья
Пройду я с Тобою, Господь дорогой.
Следователь сказал: «Жена родила сына». Потом я узнал, как родила.
Лежала сутки без сознания, а рядом ребёнок. Слышит голос: «Я тебя

воскрешаю». На семи шагах сочиняю песни и пою тихонько.

Утешь меня, в темнице я,
Как птица в клетке, одинокий,
Томлюсь сильнее день ото дня,
Слабеют силы, бой жестокий.
Утешь меня!

Держи меня среди огня.
Готовятся мне смерти муки,
А я так слаб, молю Тебя:
Простри пронзённые мне руки,
Держи меня!

Спаси меня, ведь Ты, любя,
Послал мне пытки и страданья.
Я этот крест любви не зря
Несу чрез тюрьмы и изгнанья.
Спаси меня!

Следователь спрашивает: «Как ты в камере встретил новый год?»
Говорю ему: «Слушай»:

Шумит, волнуется народ,
Пирьы приготовляет,
Чтоб встретить гостя, Новый год,
Друг друга приглашают.

Но с чем же встречу я тебя,
Грядущий, Богом данный,
Когда в темницу до меня
Придёшь, как гость желанный?
Постом, молитвой на устах,
Наполненный скорбями.
И с чашей горечи в руках,
Наполненной слезами.

Мне ёлки в сердце не нужны.
Христа я почитаю.

Здесь, за решёткою тюрьмы,
С Ним Новый год встречаю.

Задают вопросы: «Был пастырем церкви на Инте?» «Был». «Служил Господу? Крестил молодёжь?» «Служил, крестил». «Рукополагал?» «Рукополагал по воле Божьей». Что ни спросят, — всё труд на ниве Господней. Служил Господу, против властей не воевал, и под статью не подхожу, ибо там даже слова «религия» нет. Когда дали последнее слово, сказал:

— Судите, судьи, вот закон
На дело разум открывает.
И где нарушен мною он,
Пусть той статьёй и обвиняют.

Моя вина — люблю Христа.
В Нём вечной жизни ожидаю,
Его люблю и вам, спроста,
Того же счастья пожелаю.

Судьи улыгнулись и зачитали приговор: десять и пять лет ссылки. Дали бы высшую меру, так статья не позволяет. Власти были очень озлоблены против семьи Голосинских из Русской Поляны Черкасской области. Мария — мать героиня, 12 детей. На суде они отказались давать показания.

Мать и некоторых детей осудили сроком на полгода. Обвинили, что мы психически ненормальные. Я говорю: «В областной больнице 500 человек больных, и все ваши, нашего нет ни одного».

После приговора дали свидание с женой в кабинете следователя. Пришла с пустыми руками. «А где сын?» «Похоронила».

Сын-первенец, любви нашей отрада,
Начаток сил, как первый плод от стада,
Как первый сноп распаханых степей
Созрел для жатвы в 75 дней.

Возврата нет, к чему печаль и слёзы?
Одной рукой срываются все розы.
Одной рукой срываются цветы.

Сегодня он, а завтра я иль ты.

Любовь всегда печалится разлукой.
Надежда с Верой в поле рвут цветы.
Христос воскрес, в нас Дух Святой порукой,
Что с Ним воспрянем Он и я, и ты.

Сын Пётр похоронен на кладбище села Гриженцы Винницкой области, где я когда-то был прописан. Жена там была с больным сыном и там с друзьями похоронила его. Там стоит оградка с мраморной плитой.

И снова земля бесплодная

Окружённый конвоем автоматчиков с собаками, иду на вокзал, в тюрьму на колёсах. Вижу вдали жену и друзей. Я им помахал на прощание. Поезд Черкассы-Москва.

Прощай, Украина, прощай, край родимый,
Прощай, дорогая Господня семья.
За правду святую, неверьем гонимый,
Я в дальние вновь уезжаю края.

В скорбях и слезах, но с Надеждой и Верой
Тропами изгнания пойду под крестом
И вынесу всё, что отмерено мерой,
И вновь буду сеять на ниве с Христом.

И снова Москва-пересылка. Красная Пресня, как и в первый раз, забита заключённым народом. Поезд МоскваВоркута, тоже тюрьма на колёсах, несколько суток тесноты и мук.

Вот она, снова Воркута, лагерь. Принимающий офицер говорит: «Теперь будешь здесь от звонка до звонка», увидев в деле, что я осуждён второй раз. Лагерь политический — для врагов народа, правда номера в этот раз не навешивают. Долбим вечную мерзлоту для водоснабжения города. Пурга и морозы до — 55°C. Приехала жена на свидание. Хотела поселиться и работать в Воркуте вблизи меня. Я посоветовал спросить Господа, и был ответ: «Он долго там не будет». Нас было трое верующих в лагере. В уголке на нарах молились, беседовали. Это не долго длилось, всего три месяца. Собираемся на этап, говорят, в южные края России. Погрузили нас в телячьи вагоны, и через несколько суток мы оказались в Мордовии, в Темняновских лагерях.

По пути Москва-Рязань есть станция Потьма. От неё тянется железнодорожная ветка вглубь тайги — справа и слева лагеря. Когда-то там был Темняновский монастырь. В лесах — места казни кулаков. Местные жители говорят: «Мы в лес не ходим, там одни ямы».

Меня поместили в лагерь № Т. Захожу в барак и вижу всех моих братьев, которых судили прежде меня: Бидаша, Левчука и других —

всего шестьдесят. Узнал, что это экспериментальный лагерь — собрали верующих со всех лагерей. Для чего? Для того, чтобы не проповедовали в лагерях, и здесь сконцентрировать атеистическую пропаганду. Надеялись, что верующие разных конфессий будут жить в ссорах и спорах, самих себя компрометируя своим антагонизмом. Собрали в лагерь 600 верующих. Там были православные, признающие советскую власть антихристом, не работающие, не берущие никаких документов. Были православные-юродивые Христа ради. Они говорили: «Три года — и в Царство Христос примет, а в монастыре надо 20 лет». Князь Михаил, выдающий себя за Христа и его поклонник, его называли «министром вооруженных сил». Князь его научил креститься, как саблей рубить бесов со звуком. Его гнали из камеры, спать не давал, говорил: «Нас понимают только пятидесятники, ибо у них дух и у нас дух». Дух-то дух, только духи разные бывают. Князь Михаил тихоня, всё о благодати говорит. На лбу шишка — мозоль: когда крестится, вертит кожу на лбу. Были из Донбасса «две маслины», выдающие себя за пророков, одно время были вместе с князем Михаилом. Спрашиваю: «Как вы туда попали?» «От него такие ароматы исходили», отвечают. А тот «министр» его говорит: «Он меня на Воркуте исцелил». Были католики и грекокатолики, и их кардинал Слепый. Из нашей конфессии были здесь лжепророки и лжеделатели, которых мы отлучили, ибо на свободе не могли поймать: они быстро передвигались с места на место.

Много было так называемых «свидетелей Иеговы». Дух Святой о них так открыл: «Булава. На ней написано: философия, религия, политика. Бьют булавой, но по голове. Глушат брошюрами, журналом «Сторожевая башня», а потом дают читать Библию». Тут и иеговисты, которые признают только откровение Иоанна, а Библию жгут.

Но мы сказали всем: «Будем жить мирно, и не дадим властям злорадствовать». В общем, здесь был невод, захватывающий рыбу всякого рода. В бараках висели лозунги против истины, Христа и Бога, подавляющие истину ложью.

В клуб приезжали лекторы из Москвы. Поскольку они нам не давали слова сказать вопреки их лжи, мы перестали туда ходить. Приезжали отступники: Карносенко, Верховоломов, вели пропаганду против Бога,

Христа и Духа Святого. Поскольку мы не шли в клуб, они транслировали по радио свои лживые речи.

Собираться нам не давали. Я говорил им: «Прикуйте нас цепями к койкам, тогда уже не будем собираться». Мы пребывали в Слове и молитвах. Афанасий Бидаш и другие епископы мне сказали, что Господь им открыл, что когда я выйду на свободу, возглавлю труд в братстве. Брата Левчука увезли в Киев. Водили по магазинам, потом привели на берег Днепра. Посадили на одеяло и сказали: «Посиди, а мы искупаемся». Из кустов выбежала полунагая женщина, села возле Левчука, а они их сфотографировали. Прислали в лагерь, показывают фотографию: «Вот чем ваш епископ занимается».

Чтобы я не разоблачил их провокацию, меня ещё до приезда этих подставленных людей отправили в лагерь на ст. Явасе. Это был лагерь строителей. Я был один верующий. Написал письмо жене, чтобы приехала на свидание. Она не имела денег на билет и дала родственнице текст телеграммы: «Не могу приехать». Ночью видит видение: «три девушки в белых платьях: Вера Надежда и Любовь поют песню. Припев жена записала ночью на книге «Домоводство». Рассказала содержание песни.

Голубица

По полям широким, по лесам далёким
Пролетит голубка пищу собирать.
Может ли оставить в клетке одиноким
Голубя родного, узника, страдать.

Припев:

Голубица ль голубку есть не понесёт,
Когда голубь в клетке томится и ждёт.

В непогоду злую, в тёмное ненастье
Полетит в неволю друга навестить,
Бури не страшны ей, горькое участие
Все его страданья хочет разделить.

Сядет у решётки, нежно заворкует.
Любовь голубиная верности полна.

Вера и Надежда силу ей дарует
И за друга душу жертвует она.

Господь мне открыл: «Я её приведу Сам». Когда она вошла в комнату для свиданий, говорю: «Будем благодарить Бога, что Он тебя привёл». В этот лагерь она привезла на свидание мать. Жена приехала с новорождённой Светланой, в сопровождении своего брата Анатолия. Я работаю на швейной фабрике, шью спецовки. Ст. Явас — центр лагерей. Я на 11-м лагпункте. Тут я вновь встретил «князя Михаила». В КГБ прослышали, что «князь Михаил» готовится воссесть на престол. Повезли по месту жительства, в Казань. Там семь месяцев снимали кинофильм. Фильм назвали «Восшествие князя Михаила на престол».

Вышел указ о режимах. Поскольку у меня второй срок по одной и той же статье — «рецидивист, подлежит тюремному заключению», то нас собрали в отдельный лагерь, пока не построят тюрьму. Там были Афанасий Бидаш и Михаил Гордиенко. Я работал сварщиком возле кузницы, а рядом Иван Фёдорович делал телеги. Он украинский националист, добрый и всеми почитаемый человек. Я ему стал проповедовать, потом сказал: «На тебе часть Евангелия, читай и молись. Скажи Господу: «Если ты есть, то откройся мне. Я буду служить Тебе». Неделю я к нему не подходил. Вижу, ходит по вечерам под берёзами — молится. Однажды подходит ко мне и говорит: «Теперь, если ты не будешь верующий, то я буду служить Господу». Ночью в сиянии славы слышит голос: «Слушай, что тебе говорит Виктор». Ему и ещё одному заключённому я преподал крещение в кочегарке, на крыше, в трёхкубовом баке, откуда подавали воду для мытья заключённых. Вскоре Иван Фёдорович освободился. Его направили в Углев, откуда он уехал в Краснодарский край, станица Ленинградская. Там он был пресвитером церкви. Мы встречались у него в доме. Теперь он почил, а на его огороде стоит Молитвенный дом.

Потом собрали нас, шестьдесят человек «рецидивистов» в лагерную тюрьму. В камере со мной были Бидаш, два ксёндза, мельник и Леон — основатель лжеучения сионистов. У Афанасия Ивановича была сыпь на ногах, а ксёндз был фельдшером, он давал ему мазь. На прогулке я ему говорю: «Афанасий Иванович, у нас должна быть вера

больше, чем у фельдшера. Давай согласимся неделю молиться по слову: «о чём двое согласятся...» Начали молиться в понедельник, а в четверг Афанасий Иванович объявляет: «Больше мазать не буду. Сыпь исчезла». Однажды я сказал Афанасию Ивановичу, что стал раздражительным, а он был человеком кротчайшим. Он ответил: **«Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения»** (Пс. 118, 145). Прихожу с работы, а Афанасий Иванович штопает мои носки. Говорю: «Отдохни». Отвечает: «О, если бы ты знал, какой это отдых». Когда я мог, брал его в зону на стройку. Тяжёлая пытка безделье в камере тюрьмы.

Тюрьма особого режима

Когда построили новую тюрьму, всех «рецидивистов» перевели туда. Двойные нары, узкий проход, пол цементный. Шестнадцать человек в камере, параша у дверей. Камера инвалидов, где койка Афанасия Ивановича, напротив моей. Нельзя передать мук и страданий старцев, целыми днями лежащих на нарах. Прогулка лишь утром и вечером. С Афанасием Ивановичем встречаемся только в воскресенье, на прогулке, а с Мишей Гордиенко мы иногда были вместе. Рядом с тюрьмой построили завод, филиал Московского завода им. Лихачёва. Штамповали переднюю подвеску для автомобиля «Москвич-407». Я работал электриком, Миша — слесарем. Ходили во вторую смену. В тюрьме четыреста заключённых, больше уголовников, которые взяли политическую статью, убегая от возмездия. После первой половины срока давали личное свидание на двое-трое суток, а через полгода — общее — четыре часа.

Время этих свиданий было временем моей семейной жизни: жена родила двух дочек: Светлану и Людмилу. Вторую родила дома, на коврике, а потом вызвала «скорую помощь». Из больницы убежала, не доверяя врачам. За ней следил КГБ. Друзья помогли, и она привезла дочек на свидание. Люде было уже два года, когда я увидел её в первый раз. Начальство говорит жене: «Пусть отрекается от веры и идёт домой. Зачем он гниёт в этой тюрьме?» Каждые полгода пишут характеристику для перевода на строгий режим. Все хорошие слова: «Трудолюбивый, уважителен к начальству, уживчив с заключёнными. Но... на путь исправления не встал». В камерах на политзанятиях читают, как тяжело коммунистам в тюрьмах западных стран. Афанасий Иванович спрашивает: «А чем мы могли бы им помочь?» Начальник отряда наедине сказал ему: «Ты таких вопросов не задавай». Нам разрешили на три рубля купить в магазине зубной порошок и мыло. В камере каждому заключённому сделали полочку для мыла и порошка. Один уверовавший резчик по дереву переписал мне послания в книжечки в пол спичечной коробки. Я их хранил в коробках из-под зубного порошка. Обыски делали часто, но Господь хранил. Мои нары были внизу, возле дверей, а за решёткой электрическая лампочка. Приходя с работы, писал псалмы, потом, на свидании, передавал на свободу. Они изданы книгой: «Домостроительство Церкви

Христовой». Нашу тюрьму заключённые называли Бухенвальдом, где Гитлер уничтожал людей. Питание было скудное. Кислый ржаной хлеб пожирал желудки, печени. Каша из ячменной сечки без масла отвращала своим запахом и голодных. Кипятку было вдоволь, да сахару хватало на один-два дня, а это — месячная норма. Заболел и я колитом, и печень стала чувствоваться. Однажды стали у меня гореть кости в пояснице. Потом пошло вверх и вниз. Положили в стационар. Вижу, бесы жгут меня паяльными лампами. Я им говорю: «Что вы ко мне имеете? Я вашего отца оставил?» «Восемнадцатого апреля мы тебя оставим». И, действительно, в это время я стал здоров. В этой голодной тюрьме Господь давал нам помощь. Была одна смена дежурных, которые, рискуя быть уволенными, разрешали ночью уносить в камеру продукты, которые нам приносили на свидания. Три свидания в году было у нас троих, и мы имели поддержку в питании. Миша Гордиенко был у нас дьяконом по продуктам питания. Всякими уловками старались сохранить литературу — надзиратели обыскивали часто. Мы то пустотелую доску приставляли к столу, то такую же пустотелую стойку ставили под нары.

За решёткой кажется, что другой жизни нет, убивает чувство свободы. Матрас у меня — спал на нём семь лет — немного стружки, немного ваты, бока притёрлись к нему. Жена передала мне пуховую подушечку, и на девятом году я догадался, что можно её перемять, будет мягче.

В день 50-летия советской власти и нас вспомнили, разрешили купить по булке белого хлеба, пачке печенья и масла. Режим дня: утром — на завтрак и на работу, вечером — работы под замок. Самыми тяжёлыми днями были советские праздники — из камеры не выпускали. Люди деградировали, каждый по своему тупел, и только политические както ещё держались. А это ведь тюрьма политических, врагов народа, контрреволюционеров, шпионов, антисоветчиков, к которым причислили и нас, верующих.

Освободился один человек, его звали Иван Иванович. Просидел он двадцать лет, работал по хозяйству. На коленях вышел, поклялся, что больше не попадётся, потому что многие освободившиеся напиваются, дебоширят и — вновь на нары.

Пришёл конец и моим десяти годам. Остались пять лет ссылки.

На ссылке

Освободился Афанасий Иванович. Поцеловались с ним через решётку кормушки. Уехал домой. Вскоре освободился и Миша Гордиенко. Тоже уехал домой. Остался я один. Пишет Миша мне в письме: «Я уже ел творог с молоком». Я ему говорил, что любил эту пищу. Кончились и мои десять лет. Если бы постоянно думал, что трудно вынести десять лет, то, наверное, и не выдержал бы, а так вроде бы каждый год считаешь последним. И десять лет прошло. Итак, везут меня на ссылку в далёкую Сибирь. Через многие пересылки, среди толпы алкоголиков, которых вывозили, очищая Москву, Ленинград, Саратов, Киров, Свердловск, Омск, Новосибирск. Пятнадцать тысяч километров я наездил в вагон-зэке и прошёл пятьдесят тюрем, одна темней другой.

Из Красноярска чёрным вороном, набитым скотом и солью, — крыша у самой головы, — мы едем вниз по Енисею в Енисейск. Пятьсот километров. Енисейская тюрьма была последней. Завтра — свобода. Какая уже ни есть, но не тюрьма. Ведут с моими документами к коменданту, уже без автомата. Немного расслабился, вроде оставил в тюрьме запас прочности — терпение в вере: ведь уже свобода. Но моему расслаблению нанесли удар — комендант мать хоронит. Мне надо на одну ночь возвратиться в тюрьму. Это было тяжёлое чувство. Я сказал: «Господи, я уже не могу». Вот что значит лишиться прочности, долготерпения.

Комендант определил меня в село Маковское. Там — царский острог. Туда царь ссылал каторжников. Селу триста лет. Комендант говорит мне: «Там будешь в колхозе зайцев ловить. Купи билет на самолёт АН-2 (гроб летающий)».

Впервые за многие годы поел в кафе нормальную пищу. Была суббота. Завтра воскресенье. Молюсь: «Господи, может быть, тут есть твой народ?» В тот же вечер нашёл крещённых Духом Святым и в воскресенье был на собрании. Верующие проводили меня на самолёт. Летим над тайгой. Самолёт проваливается, и я вместе с ним. Полчаса лёту, а долетел чуть живой. Приземлились на лыжах. Кругом белым-бело, глубокие снега и мороз -42° С. Комендант мне на прощанье сказал: «Там есть один ссыльный — верующий». Нашёл его в центре села, когда он распрягал лошадь. Он меня принял, жил с дочкой и

внучкой. Это был Прокофьев Алексей Фёдорович, третий, после Крючкова и Винса, лидер отделённых. Живу в этой семье. Очень ослабел я по плоти, закрою глаза и куда-то лечу. Потом узнал, что в селе открылся лесоучасток. Значит, не надо зайцев ловить. Устроился плотником. Дали мне лошадь Рыжуху — воду возить из проруби, и пилу «дружба» — пилить и колоть дрова. Приехала жена, детей оставила с родственниками и друзьями. Жили мы в домике одной гадалки. Комната маленькая. мы отделились ширмой. В избе куры, собаки, печка железная. Натопишь — дышать нечем, — не топишь замёрзнешь. На морозном свежем воздухе, в труде, моё здоровье укрепилось. Жена уехала, приехал её брат Анатолий. По болотистой местности зимой бульдозеры пашут клин, делают дорогу для лесовозов. По этой дороге из Енисейска братья привезли пятьсот кирпичей и сложили печку с плитой. Старуха ворчит: «Что вы там делаете? Никогда за семьдесят лет не видала иного, как железка». Затопили дровами. Старухе понравилось. Тепло и не душно. Звали нашу хозяйку Акулина. Родилась в тайге и прожила тут всю жизнь. Колхоз деревню сжёг, — далеко обслуживать. Братья Акулины купили ей этот домик на высоком берегу реки Кеть, притоке Оби. Есть у Акулины корова, лошадь и десяток собак и щенят. Говорит мечтательно: «Если бы меня на старости лет приставили ухаживать за щенятами, другого занятия мне и не надо». Свою пенсию тратила в основном на собак. Эти «пенсионеры» живут у неё под кроватью в избе. Приходят люди, она им гадают, призывая имя Господне. По-своему верующая.

Просит меня отвезти её в тайгу, где она жила. Там похоронена её мать. Здесь, говорит, отравлюсь. От её деревни осталась баня, топившаяся по-чёрному, да будка для трактористов, которые тянут клин. Ехали трактористы с санями за углём. Я нанял людей, чтобы сопровождали Акулину. Ей там сделали печку. Уехала со своими сибирскими котами, собаками, коровой и лошадью, сено захватила, уехала в тайгу километров за семьдесят от села Маковского. И жила там в тайге, в будке трактористов, по четырём углам собаки. Я убрал избу, побелил свой «дворец» и вызвал семью. Прилетели в Енисейск. Остановились у верующих, а до Маковского не могли добраться. Весна, снег тает, и самолёт не может сесть ни на лыжи, ни на колёса. Но вышли из положения: прилетели на вертолёте химиков, которые

канифоль в тайте собирали. Я встретил их в порту на «такси» (на Рыжухе), привёз жену и двух дочерей в свою таёжную обитель.

Колодцев здесь нет. Воду надо брать из реки, а берег — метров пятьдесят высотой. Вместе с женой ходили по воду, она до полгоры, а я до конца носил вёдра с водой. Купили корову. Сено косил на бесконечных таёжных лугах. Там обитают хищные медведи, да тучи гнуса, комаров и прочих кровососущих. Одеваться надо прямо-таки в броню, чтобы и щели никакой не было, а на лицо обязательно накомарник. Над кроватями натянули марлевые пологи и с фонариком осматривали, чтобы ни одного комарика не было. Тогда дети спали спокойно, а днём — дымок и мазь от комаров. На ночь детей мыли с содой, потому что они за день были покусаны комарами. Говорят, что от медведей надо костёр жечь, а я ограждался молитвой. Косил тонны травы. Вместе с женой сушили, сено клали на сани, как здесь говорят «зарод» скирду, и зимой привозил трактором. С одним ссыльным «свидетелем Иеговы» купили у начальника порта деревянную лодку на девять мест. Весной смолил днище, возил с собой черпачок выливать проникающую воду. Тайга богата всякими ягодами и грибами. На берегах реки белый песочек и тоже ягоды — смородина и черёмуха. Всею семьёй часто ездили в тайгу за ягодами: голубикой, черникой, малиной, брусникой, клюквой и за грибами. Приезжают верующие из Енисейска, и мы плывём на лодке в тайгу. Верующим издалека КГБ не разрешал посещать меня. Их агенты в деревне за мной следили, в том числе и начальник порта тоже докладывал. Угрожали сослать меня ещё дальше вглубь тайги, где небольшие деревни по берегам реки Кеть. Там жили потомки кулаков, которых по реке баржами возили на уничтожение.

Район Маковский по территории как Молдова, а жителей 1600 человек, большинство потомки ссыльных староверов. Живут своим хозяйством, у каждого пасека. Алкоголизм убивает людей лет в 40-50, а самолёт АН-2 всё водку возит. Лесорубов, химиков, местных остяков водка губит беспощадно, а лес для государства и канифоль дармовая. Для Слова Божьего непробиваемая стена сердец, порабощённых грехом потомков староверов, но теперь они атеисты. Лесовозами, минуя аэропорт, приезжали и уезжали братья. Кого ловили здесь, вызывали по месту жительства. Сёстры днём прятались в тайге, а ночью приходили. Алкоголики-атеисты возмущались на своих

собраниях, что им прислали врагов народа, антисоветчиков. Однажды сотрудники КГБ привезли учительницу, чтобы переубедить меня. Говорит: «Я родилась с Лениным на устах», а я ей отвечаю: «Меня мама родила со Христом на устах».

Через три года мне дали квартиру в посёлке лесорубов — зал, комната и кухня. Теперь я работал на электростанции машинистом и электриком для посёлка лесорубов и ремонтных мастерских в деревне. Зарплату платили по закону. Жена родила ещё двух дочек: Любу и Надю. Роды были тяжёлые, боялись, что умрёт. Мы все вместе вопияли к Богу: «Не забирай нашу маму». Слава Богу, выжила.

Когда был приём в пионеры, дети убежали из школы, так их догнали и насильно повязали галстуки. На пятом году ссылки умерла моя мать. КГБ разрешил поехать на похороны. Даю телеграмму, лечу. Похороны отложили на сутки. Путь дальний: Енисейск-Красноярск, Красноярск-Москва, Москва-Черкассы. Пресвитер Николай Голосинский поджидал меня на такси. Похоронную процессию встретил по дороге на кладбище. Остановились. Я приветствовал братьев, попрощался с матерью, потом пошли на кладбище. Десять дней побыл я с друзьями в Черкассах и Золотоноше. Было откровение: «После ссылки мне жить в Сибирском городе, который река разделяет пополам».

На свободе под надзором КГБ

Ещё год прошёл, и окончился срок моей ссылки. Пришло письмо от епископов. Им Господь открыл, что мне жить в Новосибирске. Взял отпуск, приехал на Украину, побыл с братьями, служителями, епископами. Итак, Новосибирск, река Обь течёт посередине города, как было прежде сказано. Вижу: «Река, плотина, на возвышенности завод. У плотины деревня — там тебе жить». Поехал я на то место, всё как в видении. Деревня называется Огурцово. Вернулся в Маковское, ещё год работал, и поехал искать дом в Огурцово, как Господь сказал: «Дом без жильцов». Нашёл его вблизи реки Обь. Братья сказали: «В Новосибирске тебя не пропишут». Конечно, по закону властей не пропишут, но я поехал по Божьей воле. Господь меня привёл, когда все администраторы пошли в отпуск, и мне дали разрешение на покупку дома, без приёма в райисполкоме. Оформил дом. Пошёл прописываться. Капитан милиции, увидев в документах, что я дважды осуждён, закричал: «Как ты мог купить!» Он швырял мои документы, кричал, а я молчал и молился. Потом вдруг утих и неожиданно сказал: «Ну, ладно, пропишем». Привёз семью, устроился на работу по ремонту электрооборудования на экспериментальном заводе Академии наук Сибири. Господь сказал: «Паси агнцев моих». За домом следили завербованные соседи. Пять дней я работал, а в выходные летал или ездил на труд церквей Христовых: Алма-Ата, Караганда, Хабаровск, Новокузнецк, Томск и другие города.

В 1974 году мы поселились в Новосибирске. Прошло ещё два года. В молитве Духом слышу: «Ты жди». Я жду, и эти слова повторяются. Спрашиваю: «Господи, как это понимать?» Ответ: «Тебе предстоит путь». Думал, куда-нибудь в Якутию, на третий срок. Однажды в молитвенной группе было видение: «город. Написано: Кишинёв. Река, за рекой городок. Там тебе жить».

Я с семьей живу в Молдавии

Когда Господь поселил меня в Новосибирске, было сказано: «Потом будешь жить под яблонями и орехами». Позднее, когда в Молдавию приехала жена, вспомнила слова Господа и говорит: «Действительно, это так». Взял я отпуск в мае месяце и поехал в Кишинёв. По дороге заехал в Обухов под Киевом. Там было сказано Духом Святым: «Когда едешь, поезжай как домой». Спрашиваю братьев-служителей: «Какая река течёт вблизи Кишинёва?» — «Днестр». — «А какой город за рекой?» — «Дубоссары». — «Там мне жить», — говорю. С братьями поехал в Дубоссары искать дом. нашёл на улице Ткаченко, 54. Оттуда старики уезжали в Россию. Сторговались. Дали задаток. Хозяйка православная. Уехал я продавать дом в Новосибирске. Семью отправил в Кривой Рог к родственникам жены. Продавал дом с начала июня до 20 августа. Никто не покупает. Кишинёвские служители сообщают: старики хотят вернуть залог и продавать дом. Молимся. Видение: «Дом в буре перепоясан. Ангел вытянул воду из колодца, и голос: «Напьётся тот, кто вытянул», а на дороге шлагбаум. 20 августа пришла телеграмма: «Спасай дом». Положил телеграмму перед Господом. Получаю ответ: «Завтра приедет машина «Жигули» с тремя мужчинами: высокий, средний и малый. Малый купит у тебя дом. До конца месяца Я выведу тебя в Кишинёв». Завтра всё так и было. До конца месяца оформил все дела, отправил контейнеры и 31 августа, во второй половине дня, я был в своём доме, в Дубоссарах. Рассказал старикам, как Господь испытывал мою веру. Мария подняла руки и говорит: «А мы думаем, какая это сила не даёт нам продать дом?»

Пришли контейнеры, приехала моя семья. В огороде растёт раскидистый орех. Это была осень 1976 года. Церковь здесь небольшая, тринадцать человек (по учёту КГБ). Господь поселил меня в этом тихом городе. Из Дубоссар автобусы идут во все стороны, из Кишинёва — самолёты. Устроился на работу, на швейную фабрику сантехником. Дубоссарское отделение КГБ сразу взяло меня и мой дом под опеку. Завербовали соседей наблюдать, на работе тоже агентура. Жучки под пол бросили, в счётчик установили. Наверное, я один такой, а им работать надо. Восстали на работе — не участвую в соревновании. Говорю: «Я не клянусь, а работаю по совести перед Богом». Через некоторое время, когда они убедились, что это так, я

спрашиваю: «А при коммунизме будут соревнования?» Отвечают: «Нет». «Значит, я работаю при коммунизме?» «Да, — говорят, это правда. Если бы все так работали, то мы бы в золоте ходили». Уполномоченный часто вызывал в Кишинёв насчёт регистрации. Спрашиваю: «Можно взять регистрацию, а затем её не исполнять?» Говорит: «Нет». «Так зачем же нам узду на себя добровольно надевать?» Прислали ко мне Понурко, бывшего председателя союза, когда у нас был союз с баптистами. Убеждал меня, что не обязательно говорить языками, если крещённый Духом Святым. Это как говорил Тарас Бульба сыну: «Я тебя -
родил, я тебя и убью». Однажды нас, епископов, переписали по акту. Меня вызвали на комиссию в Дубоссары, человек двадцать сидят. Председатель говорит: «Пятьдесят рублей штраф». Я отвечаю: «Слава Богу! Я 25 лет отсидел в узах, а 50 рублей заплачу». Они все удивились, а я стал им свидетельствовать. И они отменили штраф.

Таллиннское движение

Огонь служения Кэтрин Кульман, через Иерусалим, перекинулся в Финляндию, оттуда — в Эстонию. Массы народа хлынули в церковь Олевисте, где проходили молитвы за исцеление. Мы обратились к Господу: «Как понимать это движение?» Был ответ: «Корабль с севера с огнём идёт. Наш корабль пришвартовался к нему». И голос: «Огонь принимайте, а человеческое — нет». Огонь во многих зажёл веру. Служители Эстонии стали посещать наши церкви, но где огонь Божий, а где огонь человеческий, очень трудно было определить! За исцеление молились те, кому дано, но стали молиться и те, кому не дано. Радость от действий благодати Духа Святого сменялась унынием поражения, которое приходило от неопытности и человеческой дерзости. В епископате возникли разногласия, потому что было разное понимание: что считать Божьим огнём, а что не Божьим. Одни говорили, что это огонь Божий, но надо отделить человеческое, другие заняли крайнюю позицию — нет, всё это не от Бога. Хотя много было чудесных действий. У пресвитера церкви города Знаменна Василя были травмированы ноги от химикатов, которые на тракторе распыляли по полям в колхозе. Работать он не мог, а инвалидность не даёт идти в регистрацию. Поехал в Таллинн с палочкой, а вернулся здоровым и до сего дня здоров.

Волна этого движения истощилась, а болезни остались. Епископат разделился, а с ним и церкви. Стало два или три братства. Впоследствии снова объединились в одно братство.

Регистрация

Вначале пятидесятникам запрещалась всякая регистрация, как патологически больным. Крещение Духом Святым считалось изуверством и запрещалось законом. В 60-х годах разрешили автономную регистрацию при условии отказа от «изуверских» обрядов и подчинения закону о культурах. Одни служители шли в узы, отстаивая истину, другие попадали в сети регистрации.

Регистрация запрещала:

1. Крещение Духом Святым со знаменем иных языков.
2. Благотворительность.
3. Воскресные школы.
4. Молодёжные собрания.
5. Евангелизацию.

Кроме закона о религиозных культурах, основанием регистрации ещё была инструкция КГБ, где были особые предписания старшим пресвитерам:

1. До армии не крестить.
2. Список крещаемых подавать для санкции КГБ.
3. Проповедники должны быть санкционированы КГБ.
4. Дети должны обязательно участвовать в советской общественной жизни, чтить советские праздники.
5. Средние и высшие учебные заведения только для комсомольцев.
6. Преподавание атеизма — обязательное.

Государственный тоталитарный атеизм насаждал насилие над совестью человека. Марксистско-ленинский материализм учил, что Бога нет, что человек — бог, созданный по воле слепой эволюции из бездушной материи. Крючков и Винс опубликовали подпольную инструкцию КГБ, которая поработила руководство Евангельских Христиан Баптистов, и они разделились. Возник Союз церквей, который претерпел гонения, и многие пошли в узы. Союз церквей подпольно издавал Евангелие и духовные песенники, которыми пользовались и мы, Христиане Веры Евангельской, помогая им в этом труде. Регистрация постигла Союз церквей, и он разделился.

Некоторые не выдержали — пошли в регистрацию. Жёсткое требование регистрации разделило братство церквей ХВЕ. Нерегистрированных стали сильнее прижимать: «Ваши братья пошли в регистрацию. Почему вы не идёте?» Все места собраний были под надзором. Собирались по ночам в лесах. Некоторые братья вновь пошли в узы. Издали указ о запрещении домашних собраний, но верующие всё равно собирались. Стали налагать штрафы, административные наказания. Народ Божий обнищал, платя штрафы. И победили — пришла перестройка.

Двери свободы открываются

Когда началась перестройка, усилилось влияние Запада, заговорили и у нас о правах человека. Постепенно красный дракон терял силу. Из-за гонений на верующих пятидесятников США перестали продавать Союзу пшеницу. КГБ стал сдавать позиции. Разрешили нерегистрированным строить палатки на своих огородах. Этой возможностью воспользовались наши церкви, и за 2-3 месяца было построено много палаток из лёгкого материала по всей стране. Началась евангелизация. Господь открыл двери спасения для отуманенного атеизмом народа. Постепенно разрешили арендовать клубы, кинотеатры и другие общественные помещения. Пала партия «ум, честь и совесть», пал комсомол, пионерия, октябрята, и только евангелизация стала моральным воспитанием людей. Запад сотнями тысяч поставлял Евангелия и Библии для распространения. Открылись для евангелизации двери тюрем, лагерей, воинских городков. В церквях организовались евангелизационные группы с пением и проповедью. Закон разрешил создавать миссии с правом евангелизации. Этим воспользовались многие церкви. И стало, как написано: *«Церкви же во всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа, умножались»* (Деян. 9:31).

В лагерях заключённые принимали водное крещение. Господь крестил Духом Святым, образовывались Церкви. Вся территория Союза была разделена на 38 регионов. Церкви этих регионов управлялись Советом служителей. Это был мой труд и моя забота — организовывать региональные, республиканские, краевые, областные правления церквей. С падением СССР и возникновением СНГ настала необходимость организовать Республиканские Правления. В 1992 году в Москве были собраны все епископы церквей ХВЕ. Утвердили наименование ОЦХВЕ и меня — начальствующим епископом ОЦХВЕ, а И.П. Федотова — заместителем. Теперь я совершал труд по созданию Правлений ОЦХВЕ республик: России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Киргизии, Узбекистана, Армении. Проводились республиканские конференции служителей, молодёжные конференции.

Во дни железного занавеса западные братья старались привезти Евангелие, Библию для наших церквей разными способами. Держали с

нами связь. Теперь впервые мы имели возможность участвовать в 16-й конференции пятидесятников в Осло в Норвегии, где нам подарили «открытую Библию» — подарок норвежских братьев русскому народу в количестве 7 тысяч экземпляров. Западные миссионеры надеялись сразу приобрести тысячи спасённых. Проводили широкие евангелизации во дворцах, на стадионах: Билли Грэм, Моррис Серулло. Йон Ги Чо проводил евангелизацию в Кремлёвском дворце съездов. Я приветствовал собравшихся с кафедры, где говорили когда-то Хрущёв, Горбачёв. В самом логове атеизма звучала проповедь Евангелия. Притока спасённых эти шумные евангелизации не имели. Тысячи поднимали руки, но в церкви не шли. Мы поняли: дело спасения грешников в этой стране — это дело поместных церквей. Так оно и было. Церкви умножались свидетельством самих верующих. Вместе с зерном Слова Божия с запада на ниву Господню хлынули плевелы и в наши церкви.

Бурную деятельность развернули всевозможные еретики: «свидетели Иеговы», мормоны, кришнаиты, ложные харизматы.

Но особую угрозу для народа Божьего, крещённого Духом Святым, представляли так называемые «харизматы». Харизма — по-гречески значит дар. Но они использовали эти дары так, что к ним вполне можно было применить слова Иисуса: «Многие скажут Мне в тот день: «Господи, Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли, и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззакония» (Мф. 7:22-23).

Всё это делалось под видом благодати, чудес ради чудес. Люди падали на землю, катались по полу, часами мог звучать так называемый «святой смех», пляски и крики. Всё это напоминало ритуалы Вааловых пророков. Люди дают разгул страстям и похотям. Это движение не имеет основания в Слове Божьем. Всё это движется в неизвестном направлении, всё глубже погрязая в ереси и заблуждениях, как Христос сказал: «в беззаконии».

Алексей Ледяев из Риги, возведённый в апостолы, производит дикие оргии плотских ритуалов. Шумные круговороты плясок под неистовую музыку, валит насильно на пол мужчин и женщин, с диким рычанием давит кулаками в живот, называя это духовными родами и в конце люди в изнеможении от плясок и криков садятся на пол и рыгают —

очищаются. Явное беззаконие, туман обольщения, далёкое от истины лжеучение. Возврат к хлыстовщине, бытовавшей на Руси в 1860-х годах с подобными оргиями.

Церковь Бога и ХВЕ

На беду себе мы подружились с западными пятидесятниками Церкви Бога. Их руководство нас, гонимых, нашло в Москве. Их вероучение подобно нашему. Они пригласили нас на свою очередную конференцию. Приехал их президент, пообещал в помощь 29 миллионов долларов и предложил три варианта сотрудничества: объединиться в один союз, иметь сотрудничество и разойтись по своим местам. Мы нуждались в помощи. Для евангелизации нужны были музыкальные инструменты, транспорт, литература. Мы выбрали сотрудничество, надеясь на их помощь. Церковь Бога всячески старалась подменить это сотрудничество амальгамацией — объединением с их церковью, или, как они настаивали, «пожениться». Мы надеялись, что богатый Запад нам посодействует в евангелизации бескорыстно, но Церковь Бога и её руководство добивались всякими правдами и неправдами подчинить нас. Мы же хотели остаться сами по себе, церковью ХВЕ, вышедшей из огня, умудрённой и укреплённой в вере для служения и проповеди Евангелия. Мы выстояли против амальгамации и, в конечном итоге, видя их неблагоприятные действия, разорвали с ними всякое сотрудничество.

Эмиграция

В лагере с нами был Андрей Горитой, брат Николая Горитого. Он утверждал, что имеет откровения ехать в Находку. Мы убеждали его, что это заблуждение. Когда он освободился, с ним поехали 22 пресвитера и больше тысячи человек из народа. Я был в Находке и всё исследовал. Чего-то ожидали, собирались под водительством Николая Горитого куда-то ехать. Дисциплина строгая: сомнений не должно быть. Забирались на сопки, высматривая подводные лодки, якобы за ними пришедшие. И, наконец, поехали — в тюрьмы и лагеря. Выйдя на свободу, Николай Горитой пошёл в регистрацию. В это время началось движение диссидентов, возглавленное академиком Сахаровым. Диссиденты прослышали, что Николай Горитой когда-то поднял народ на эмиграцию и желал втянуть верующих в политическое движение, послали к нему диссидентку Воронину. Она авторитетно заявила, что теперь существует закон о свободе эмиграции в любую страну, на мировом уровне прав человека. Началось движение — заявления на эмиграцию, спешно, как евреи из Египта. Николай Горитой писал повсюду, ища помощи у папы Римского, отцов кардиналов, президента Америки, королевы Английской, и кончилось это тюрьмой и лагерем в Перми. Запад нажимал на советы за то, что нарушаются права человека. Перестали продавать пшеницу. Диссиденты не умолкали, требуя прав и свободы. Начали диссидентов высылать из страны, в том числе выслали Воронину. Советы очень хотели избавиться от пятидесятников, но не было закона, разрешающего эмиГрацию. Раньше, за железным занавесом, они что хотели, то и делали. Планировали тех, кто не идёт в регистрацию, ссылать в Сибирь, лишать работы, пенсии, забирать детей. Но только Господь разрушил их планы, о которых с угрозой говорил нам КГБ. Дух Святой открывал, что Господь вступится. Было откровение: летит Ангел с чашей, на которой написано: «Чаша горечи народа моего». Повеление: «Две трети не выливай». Мы перенесли только одну треть планировавшихся замыслов КГБ.

Чтобы облегчить своё положение перед натиском Запада и диссидентов и избавиться от ретивых пятидесятников, КГБ разрешил эмиграцию через Рим, по ложным израильским вызовам. И началось движение. Те, кто решил ехать, все имели откровения, повеления,

считали, что избавятся от гнева, который Бог обращает на эту страну. Но это было бегство с потерей веры и упования на защиту Божьей руки. Поскольку у Бога свобода выбора, Он открыл пастырям: «не вмешивайтесь, а то попадёте в искушение. Я поставил решето на веру народа». Было откровение: тень американского знамени упала на третью часть народа. И уехала третья часть пятидесятников. Несколько раз я был в США, чтобы помочь эмигрантам объединиться и иметь попечение епископского и правления для устройства церквей, но они такие разные, из разных мест и церквей, что не могут вместить друг друга. Дух Святой открыл, что эмиграция спасения не лишает, но награду надо приобретать вновь, на новом месте, сохраняя добрую совесть, веру, и вынести те обстоятельства, в которых окажется человек.

Рыбницкий Библейский колледж

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса» (Рим. 15:5).

«Ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию» (Деян. 20:27).

«Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей» (Деян. 11:26).

«И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2 Тим. 2:2).

«Проповедуй это и учи» (1 Тим. 4:11).

Эти места Писания говорят о необходимости преподавания учения для познания всей воли Божьей, по учению Христа Иисуса. Вначале я это делал, преподавая основы вероучения ХВЕ на братских беседах, изучали книгу «Домостроительство церкви Христовой». Размножил карты «Альфа и Омега». Церкви умножались быстро. Надо было учить вновь уверовавших, готовить евангелистов на труд учителей воскресных школ, регентов для церковных хоров. Александр Панчин организовал в Рыбнице миссию милосердия и благотворительности «Свет» и стал её начальствующим. Пригласил меня изучить возможность построить здание Библейского колледжа на базе выкупленного недостроенного клуба. Мы спросили Господа, получили благословение и начали строить. Нам помогли американцы, и мы построили здание. 23 мая 1993 года открыли первый учебный год. В основу преподавания мы положили вероучение ХВЕ от времён рождения церкви при Воронаеве и Колтовиче.

Николай Котяков преподавал тематическое богословие, я — вероучение ХВЕ и экзегетику. Преподавали основные, необходимые для познания истины, страницы Библии, — писания пророков и откровение Иоанна. Уже при первом наборе мы смогли отобрать наиболее способных к преподаванию и стали преподавать гомилетику (умение проповедовать). Были у нас предметы: Библия в географии, история христианства.

Материально нас обеспечивала миссия «Стефан», состоявшая из наших братьев, переселившихся в Германию. Для нужд колледжа построили ферму для скота, овощехранилище, нефтебазу, студенческое общежитие на 90 мест, ремонтные мастерские, склады для

гуманитарной помощи. За 4 года в Библейском колледже было обучено:

Евангелистов — 591

Регентов — 137

Учителей воскресных школ — 117

Переводчиков для глухонемых — 22

Преподавателей Библейских школ — 38

Руководителей молодёжи — 44

Молодых проповедников — 34

Повышение тематического образования пастырей прошло — 242 человека.

Различных конференций было проведено — 429

Семинары для многодетных матерей — 42

Семинары для девиц в годах — 23.

Мы не имели своей столовой. Её приходилось арендовать, и у нас не для всех хватало мест в общежитии. Мы решили строить рядом со зданием колледжа, прямо вплоты, трёхэтажное здание со столовой и общежитием на 120 мест. Господь дал нам благословение. Мы вырыли котлован и стали укреплять фундамент старого здания. Денег у нас не было, а на это строительство нужно было примерно 70 тысяч долларов. Но мы в основание положили веру и упование на Господа, имея безмятежный мир в сердцах.

В это время к нам приехали американцы. Один из них был бизнесмен, спонсор теологического института. Когда я был в Америке, я посетил его институт. Приехав сюда, они ездили по учебным заведениям, и нас тоже посетили. Увидев нашу работу и заботу, они удивились. Говорят: «Такого мы не видали». Потом спрашивают: «Сколько у вас есть денег?» Отвечаю: «У нас в сейфе только вера». Брат Витнер говорит: «У меня умерла жена и оставила завещание, чтобы в лучшее место для Господа я отдал 25 тысяч долларов; я их отдаю вам». Директор института брат Найп дал 10 тысяч долларов. На эти деньги мы купили блоки и «вышли из земли», если можно так выразиться. Здание стало расти. Так, молясь и уповая на Господа, мы получили необходимые суммы из самых разных источников, в том числе из церквей ОЦХВЕ.

Братья из США, братья из Германии вложили свою лепту. Миссия «Стефан» много содействует в постройке Библейского комплекса, поставляя продукты, одежду, оборудование и мебель. Когда пишутся эти строки, идёт внутренняя отделка помещения. Надеемся осенью открыть учебный год в новом здании. Учатся у нас студенты из церквей всех республик бывшего Союза, а также из Германии.

Христос грядёт!

«Ибо когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес. 5:3).

Гимн Церкви Христовой

С тобой, град Голгофы, Сион благодатный,
С Невестой Христовой я в Церкви стою.
Народ твой в юродстве, унижен, незнатный —
Ему утешенье на арфе спою.

Ты храм всех народов, Дом Бога живого,
Иаков возлил на тебя свой елей,
Врата твои видя до Града Святого,
На жезл поклонился в конце своих дней.

Ты Духом водимая, знамя свободы
Несёшь чрез века, возвещая любовь...
Да знают Христа племена и народы.
Он Бог ваш! Спаситель! Зовёт вновь и вновь...

Ты светишься солнцем, блистаешь зарёю,
Светилом сияешь планете Земля
И всем, омрачённым греховною тьмою,
Тропу освещаешь сиянием дня.

Сокрытой на поле жемчужиной славы,
Тебя приобрёл на Голгофе Христос.
Пленённую узами смертной державы,
Невестою славы на небо вознёс.

Хитон твой — одежда, омытая Кровью —
В крещении Духом ей святость дана.
И Новым Заветом, Голгофской Любовью
В виссоне Невесты предстала она.

Ты — плод горьких мук Гефсиманского сада
И ран, бичеваний, мучений Христа.
Ты — плод унижений до смерти и ада,
В Христа Воскресеньи — как небо чиста.

Ты — колос Голгофы! Зерно, умирая,
Взрастило тебя благодатью святой,
Чтоб быть тебе в житницах Божьего рая,
Как жатва созреет под серп неземной.

Идёшь ты пустыней, где зной и невзгоды,
И Ирод, и Нерон встречались в пути,
Но веру живую чрез многие годы
До этих, последних, смогла донести.

Сносила ты камни, кресты и сожженье —
С Стефаном молилась, прощая, любя,
И многих родила в скорбях, униженьях
На жертву, за жертву, роняя себя.

И в веке двадцатом верна Слову Жизни,
Всю волю Христа ты вместила Одна,
Хоть много подруг здесь в пути до Отчизны,
Средь них Тебе слава Невесты дана.

Ты терпишь, как Анна, как Иов, страдаешь,
С надеждой на Бога молитва твоя,
И прашею веры ты льва побеждаешь,
Скалой невредимой стоишь среди огня.

Ты — добрая, нежная, руки святые
Ко всем простираешь, навстречу нужде,
И все тебе ближние, в горе родные...

Ты милость окажешь всегда и везде.

Виновная — каешься, просишь прощенья,
В обиде? Вину покрываешь, любя...
Ведь Бог твой простил тебе все согрешенья,
И в жертву за грех твой Он отдал Себя.

Ты немощных, слабых приносишь в молитве,
Заблудших выводишь со скользких путей,
Всегда ты на страже и часто в злой битве,
Овец защищаешь от вражьих сетей.

Ты мирная, скромная, с честью священной,
Ты — соль всей земли, в тебе чисты уста,
Ты кроткая духом, в одежде нетленной.
И мудра как змей, и как голубь проста.

Дафан, Авирон и Кореево племя
Твой стан побуждают на ропот и гнев —
То сеется злое средь доброго семя:
Не спит и не дремлет рыкающий лев.

Ещё один год ты прошла по пустыне,
И в новом желаю от Бога всех благ,
Будь верная в Боге, спасённая в Сыне,
Одежды храни, чтобы не был кто наг.

Грядущий стоит где-то там, у порога,
Израиль восстанет Мессию принять,
В неверьи распял он Спасителя Бога,
Чтоб верую, в муках, прощенье взыскать.

Венец твой, Невеста, не тернием свитый —
Христова ты слава, священство Царей,
Твой — избранный род, род святой, именитый
Стоит у порога Небесных дверей.

СТИХИ

*Тернистыми тропами,
Страдания путём
Мы к Вечности идём.
Христос вознаградит
Бессмертными венцами,
Пред Ним мы гимн
Победы воспоем*

1 Книга жизни

Сижу над книгою Святою
И рассуждаю сам с собою:
«Какая книга на земле
Древнее той, что на столе.
...Лежит так просто предо мною,
Какая книга — книга-Мать?
Хотел бы я об этом знать.

Желаньям тайных вдохновений
Премудрость Божьих откровений
Желаемый дает ответ:
«Древнее книги в мире нет!

Древнее нет её, узнаешь,
Когда сначала прочитаешь,
Как Дух Святой её писал,
Когда над бездною летал.

И дал ей имя — «Слово Божье»,
Иль просто «Бог» — одно и то же,
О чём нам пишет Иоанн —
Что Словом этим мир создан!

И после Слово воплотилось
И Сыном Божьим к нам явилось.

Двенадцать Божьих слуг тогда
Его читали, и всегда

Чтоб мы могли его читать,
Бог повелел им записать...»

2 *Новогодняя молитва*

Вот старый год уходит в мир забвенья —
Я у порога нового стою
И от души сердечного стремленья,
К Тебе, мой Бог, слова молитвы шлю.

О, мой Творец, прими благодаренье,
Хвалу и славу в жертву на алтарь
За дивны милости, любовь, благословенье,
Что в дни прошедшие с небес Ты мне послал.

Когда томился я в долине смертной тени,
Ты душу туком благости венчал
И в знойный день засушливой пустыни
Потоком сладостей Ты сердце оживлял.

О, мой Спаситель, Друг заветной цели,
Меня от зла Ты в мире сохраняй,
Мой путь к вратам прославленной Отчизны
Рукою крепкою Ты верно направляй.

Теперь, стоя у Новогоднего порога,
Остатки ветхого хочу оставить я,
Чтоб Дух Твой жил во мне, светлей была дорога,
Ясней открылось небо для меня.

3 *Роза*

Однажды в пустыне зыбучей,
Где мёртво и грустно кругом,
Узрел я шиповник колючий
И розу... цветущей, живой...

И слышу я голос прекрасный,
Он лился от розы волной:
«Приди, утруждённый, несчастный,
Я дам тебе вечный покой.

Уйди из суетного мира —
В нём счастья тебе не найти —
Ты в град войди вечного пира
И будешь, как роза, цвести».

И сердце волнуется, бьётся —
В нём жизни источник растёт;
Христова любовь с неба льётся
И в сердце мне счастьем цветёт.

И терни, шиповник ломая,
С стихией ужасной борюсь,
Но, радостью сердца сияя,
Я к розе — к Иисусу — стремлюсь.

4 Голубь

Голубь кроткий, Голубь ясный
Ко мне с неба прилетел,
Свить гнездо Себе святое
В моём сердце захотел.

Я сказал: «Мой Голубь ясный,
Принял я б тебя, любя,
Но в моём ли бедном сердце
Будет место для тебя...

Ты безгрешный неба Житель, —
Я рождён в стране земной.
А я — грешник. Ты ведь знаешь,
Нам ли вместе жить с Тобой...

Голубь мне в ответ воркует:
«Отдай сердце ты Христу,

Грех уйдёт, и ты увидишь
В сердце неба чистоту...

Если ты того желаешь,
Я к Голгофе полечу
И свои святые крылья
В Крови Господа смочу.

И омою твоё сердце
Этой Кровью дорогой,
И ты будешь сыном неба —
Чистый, праведный, святой.

И тогда гнездо святое
В твоём сердце Я совью.
И мы будем жить с тобою...
Знаешь... Я тебя... люблю...»

Словам Голубя внимая,
Двери сердца я открыл,
И Он с листьев Древа Рая
В нём гнездо святое свил.

Грех ушёл. В счастливом сердце
Царит радость и покой,
И любовь горит, что с неба
Принёс Голубь дорогой.

Меня в скорби утешая,
Он святую песнь поёт
И в страну Свою родную
Он с Собой меня зовёт.
«День придёт, на крыльях вечных
Со мной в небо улетишь
И в краю святой Отчизны
В Славе Господа узришь!»

5 Молитва в борении...

Услышь, Господь, меня, молюсь я пред Тобою,
И это ведомо Тебе лишь Одному,
О чём я слезы лью и так скорблю душою,
Чего так тяжко сердцу моему.

И не гнетут меня оковы заключенья
И тяжесть дней под сводами тюрьмы
Страдаю под пытками лукавых искушений
С врагом жестоким в пламени борьбы.

Он в сердце стрелы огненны вонзает,
На крыльях мрачных вьётся надо мной:
И сеть сомнения на душу навлекает —
Тебя ж, о Боже мой! не вижу пред собой.

Ты ввёл меня в горнило сих страданий —
Сам взоры скрыл, мой дух в борьбе скорбит,
Ручьями горьких слез и вздохами стенаний
Пред кем могу я скорбь души моей излить?..

Лишь пред Тобой!.. Господь! Явись в огне терзаний...—
В венце терновом стал Ты предо мной.
Душою страждущей, средь пыток испытаний,
Хочу я зреть любимый Образ Твой.

Твой крест Голгофский сердце вдохновляет
На подвиг вечности, чтоб смело мог идти.
Пусть он мне путь тернистый озаряет
Огнём нетленным, пламенем любви.

Повей с небес Ты силою Святою,
Лучистым пламенем Твоих святых очей,
Враг адских сил рассея и сильною рукою
Сними с груди гнёт вражеских цепей.

Повей на душу мне целительной усладой
И сердце мне согрей дыханием любви.
Как чистая роса, живительной прохладой

В груди усталой дух мой оживи.

Целитель сердца Ты... Источник утешенья...
Души израненной целительный бальзам,
Введи меня в поток благословенья,
Наполни славою незримый сердца храм.

И узким сим путём, тернистою тропую
Через муки пыток, тяжести скорбей
В Отчизну светлую веди Своей рукою,
Где я узрю Тебя во славе Вечных Дней.

6 *Воскресный день*

Воскресный день в темнице я встречаю
В посте, смиряя сердце пред Творцом,
Молитвы пламень в день сей посвящаю
Я вам, друзьям, искупленным Христом.

Хоть я сокрыт от вас тюремными стенами
И отделён решёткою стальной,
Но духом с вами я, сердечными очами
Я вижу близко вас, родные, пред собой.

Молитву не сдержат решётками стальными,
Глазам незримая, но верою сильна,
С груди моей, через стены каменные,
К Творцу Всесильному возносится она.

И знаю я, что в этот день воскресный
Колени преклонил и круг моих друзей,
И Вышнему Творцу несется гимн чудесный
Хвалы святой от избранных детей.

Ведь с нами Дух Святой! А Он преград не знает,
В волнах незримых веры и любви
В безмерно вечное общенье соединяет
Сердца искупленных в ручьях Святой Крови.

г.Киев, 1948 год

7 Жизнь

В этом мире под солнцем, на грешной земле
Судьба смерти царит неизменно.
И жизнь быстро проходит, как цвет на траве.
Дни, как пар, исчезают мгновенно.

Людей смертных стремленья, заботы, труды
Тщетны цели, что их озаряют.
Мнимой радости, счастья, заботы плоды —
Пред могилой, как тень, исчезают.

Мира гордая цель — венец славы людской, —
В борьбе тяжкой порою добытой,
Вместе с гордой главой под сосновой доской
Сырым мраком могилы покрытый.

С земли взятая плоть в землю прахом войдёт,
Все дела её с нею погибнут.
И никто своим пылким умом не дойдёт
В этой плоти бессмертья постигнуть.

Но есть край, где царит жизнь во славе любви
Пред престолом Всевышнего Бога.
Но лишь тем, кто омыты в Христовой Крови,
В край бессмертных открыта дорога.

Есть спасённым покой у незримых высот,
В вечных стенах Святого чертога,
Озарённого светом лазурных красот,
Дивной славой Всевышнего Бога.

О, мой друг, ты познай, что тебе не уйти
От судьбы роковой, неизменной,
Что придётся тебе на суд Божий прийти,
Дать отчёт о сей жизни мгновенной.

Если в плоть сеял грех, то ты тленье пожнёшь —

Душа в пламени вечном погибнет...
Если Духа плоды ты Христу принесёшь,
Душа в небе бессмертья достигнет.

8 *Обращение*

Я грешником жил в этом мире,
Под властью греховных страстей,
И в гордости — адском кумире —
Увидел прельщенье очей.

Но сердце всё чаще томилось
В объятьях лукавых сетей.
И в мире ему не случилось
Найти тихих радостных дней.

...Путь жизни открыл ему верный
Распятый Спаситель благой,
Кто в славе Своей неизменной
В любви Непорочен Святой.

Омыл Он пречистою Кровью
Грехи моей бедной души.
Цветёт сердце счастьем согрето,
Огнём Его светлой любви.

Теперь душа в небо стремится,
Ей тесно в храмине земной.
И жаждет она водвориться
В небесный дом, вечный, святой...

Влекут её к небу желанья
Найти там блаженный покой,
Увидеть в нетленном сияньи
Спасителя Образ Живой.

Мой путь уже близится к цели —
К Отчизне небесных красот...
Уж видно: огни загорелись

На башнях Небесных ворот...

9 Сон

Я видел сон: стою пред палачами,
Измучен пытками за Истицу Христа.
Молитвы пламенной безмолвными словами
Дышала грудь под тяжестью креста.

Избит, израненный, в терзаниях изнурённый,
Я слышу голос гордых палачей:
«От Бога отрекись иль в прахе поверженный
Окончишь жизнь во цвете юных дней.

Пять пыток перенёс и видел лишь мученья,
В пяти последних смерть себе найдёшь,
Последний сей твой час, последнее решенье:
Иль жизнь, иль смерть ты ныне изберёшь.

Оставь безумствовать в предсмертное мгновенье,
Ты будешь жить, лишь только отрекись,
Ведь молод ты... оставь Христа ученье
И к счастью мира сердцем обратись...»

Стою в раздумьи я... Мученья прекратились,
Волнуюсь, сердце бьётся... стон в груди...
Глаза с надеждой к небу устремились,
К последней пристани тернистого пути...

«Великий Бог! Дай сердцу вдохновенье,
Дай мужество души идти на смертный бой», —
Молился я... и вдруг... как бы в виденьи
Я вижу мост над бурною рекой.

Мост строится и скалы берегами...
Под ним столбы высокие стоят.
Считаю: пять поставлены рядами,
Последних пять на берегу лежат.

А к этому мосту чрез горы и стремнины,
Я вижу, горный узкий путь идёт
Сквозь зной пустыни, в злачные долины
Сей путь чрез мост всех путников ведёт.

Замыслил кто-то светлое решение —
Чрез горы путь к долинам провести
И мост поставить там, где быстрое течение
Реки бурливой сносит всё с пути.

Но я не вижу тех, в чьём сердце то стремление,
А мост меж скал неконченный стоит.
Иль сил уж нет окончить то строенье
И трудный путь сквозь горы довершить...

Стою в раздумьи я... Что б значило виденье?
Вдруг слышу, с неба Голос говорит:
«Что мыслишь ты, то Божье Откровенье
Своим умом тебе не изъяснить...

Я объясню тебе, что значит то виденье...»
Вдруг слышу, с неба Голос говорит:
«Строитель — ты, а мост — твоё строенье,
И трудный путь ты должен совершить.

Долины злачные — то Родина Святая.
Тот горный путь к её вратам ведёт,
Цветущий край — то Пажить неземная,
Где путник страждущий покой себе найдёт...

За правду, мученик, ты будь строитель верный,
Мучений не страшись — послед них пять столбов —
Поставь ты их, как пять уже поставил,
Окончишь путь... и будет мост готов.

А если ты мучений устрашишься
И отречёшься Истины Святой —
Не кончен мост!.. напрасно ты трудился,

Смеяться будут люди над Тобой...

О, пилигрим, кончай своё строенье,
Иди в конец тернистого пути —
Найдёшь покой и в жизни наслажденье
На вечном ложе счастья и любви...»

...И скрылось всё... И в прежнем сновиденьи
Я вижу вновь кровавых палачей...
Но не страшны ни пытки, ни мученья,
Готов я смерть принять во свете юных дней.

Я жил, любил... и смертью я прославлю
Того, Чей дух в груди моей живёт.
А плоть — прах... её я здесь оставляю,
Но во Христе душа покой себе найдёт...

10 Узник

Сижу заключённый, лишённый свободы,
Под тенью высокой ограды,
Не вор, не убийца, не праздный монах,
Не тот, кто бунтует народы.

Я самый простой из незнатных людей,
Лишь правду любил я на воле.
Людам я открывал жизнь Христовых путей,
За что и сижу здесь в неволе.

Ко мне не доходит речь вольных людей,
Сокрыта от глаз вся природа —
Сквозь щели оконные взоры очей
Лишь зрят глубину небосвода.

И в мрачную камеру солнце порой
Сквозь щель пробивает лучами...
Так слышно, как ровно идёт часовой,
Звеня непрестанно ключами.

Меня здесь ругают, позором клеймят,
Безумным глупцом называют,
За «сор» почитают, метут, как хотят,
Словами во прах повергают.

Но — нет! Я вперёд, по Голгофским путям...
В молитвах обиды прощаю:
«Прости, мой Господь, этим гордым людям,
Тебя они, смертны, не знают...»

г. Киев, 1948 год

11 Звезда

Под гнётом тяжёлым осенней ночи,
Я дня ожидаю, усталые очи...
И с жаждой гляжу я в глубокую даль,
На сердце тоска и тревога- печаль.

Ночь, сонным покровом всю землю пленяешь,
Дыхание жизни, надежд убиваешь.
И только немногие, в страстной борьбе,
На страже стоят, непокорны тебе.

О, ночь! Ты приятна лишь сонным людям
Да тем, кто блуждает по тёмным путям.
Но тот, кто не спит над душою своею,
Желал бы расстаться с тобой поскорее.

Скорей бы исчезли блуждающи тени
И призраков скучных гнетущие сени —
Под кровом могильным я быть не хочу,
Я дня ожидаю... звезду я ищу.

И взором стремительным вижу вдали
Блистанье явившейся ранней зари.
Предвестница жизни, как дорого мне
Твоё воскресенье в губительной мгле.

Кто сном упоенный, тобою не рад —

Ты тайны вскрываешь преступных услад.
Но всем утомлённым ты счастьем горишь,
И день, и свободу, и жизнь им даришь

12 Весна

Весна — красна, ты гостем долгожданным
Пришла в наш дальний и суровый край
Дыханьем жизни, солнцем лучезарным,
Со снегом борется твой светлый месяц — май.

Весна — красна, ты жительница юга,
Ему богатство щедро ты даришь,
А нам — суровый край, где снег и вьюга,
Ты в тундре мох лишь только зеленишь.

Там Юг в садах цветущих утопает:
Плоды лимонов, нежный виноград...
Там запах роз, нарцисс благоухает,
Поля одеты в праздничный наряд.

Но в тех краях тебя ли так встречают,
Как житель севера с надеждой ждёт...
Как редкий гость ему милей бывает,
Чем сын родной, что в доме с ним живёт...

Как ценит жизнь лишь тот, кто знает мрак могильный,
Так ценим здесь весеннее солнце мы.
Его лучи, тепло и свет обильный
В нас греют чувства жизни и весны.

Север, 1950 год

13 Расти, виноградник

Расти, виноградник, Христом насаждённый,
Окопан, очищен пронзённой рукой,
Стеною от хищных лисиц ограждённый,
Политый обильно живою водой.

Ты диким был в мире греха насаждением,

Смертельную горечь в плодах ты возвращал,
И этим порочным и злым насаждением
Ты бедные ветви свои обольщал.

Под смертную тенью во тьме возрастая,
Не видел ты света и жизни святой.
И дня рокового суда ожидая,
Огонь осужденья горел над тобой.

Тебя Виноградарь усердной любовью
В Голгофских страданиях Себе приобрёл —
Невинною жертвой, пролитую Кровью,
Ценой Своей жизни тебя Он нашёл.

Трудом хлопотливым, Отцовской заботой
Тебя Виноградарь в Свой сад насадил;
В великом терпении, прилежной работой
Он к жизни бессмертной тебя воскресил.

И корни твои углублялись всё ниже
К текущим с Ливана источникам вод,
А юные ветви стремились всё выше
К Великому Солнцу — завету свобод.

В то юное время ты рос, возвышаясь,
Весенним расцветом сияющих дней.
И твой Виноградарь, тобой утешаясь,
Богатых плодов ожидал от ветвей.

Но знал Виноградарь, что дни испытанья
Придут для раскидистых нежных ветвей,
От гроз — трепетанье, от бури — терпенье,
От зноя — сожженье несёт суховей.

Зло-время настало, стихия лихая
Желает, чтоб ветвь от лозы отломить
Одну за другой... во тьму отторгая,
И сделать огня лишь достойными быть.

Вы — ветви святые, к Лозе прилепились,
Её обвивайте листвою своей,
С святейшею верой на ней вы держитесь,
И вас не погубит ненастье злых дней.

Плоды вашей верности, правды и мира,
Любви непорочной и добрых сердец
Христу от Невесты, в день Брачного пира,
Дарует как Гроздь Виноградарь-Отец.

14 Жду я тебя

Голубь небесный ко мне прилетай,
В скорбный час сердце моё утешай.
Крылья Свои дай Ты вере моей,
Душу согрей теплотою Своей.

Жду я Тебя, о мой Голубь, приди!..
Пламень любви в моем сердце зажги.
Дух мой, уставший в тяжёлой борьбе,
Помощи просит в усердной мольбе.

О, не замедли, Свой храм посети,
Славой Своей Алтарь освяти,
Верности жертву зажги Ты огнём
И вознеси от меня пред Христом...

15 Моя Отчизна

О, Небо, Отчизна сияющих дней,
Ты — родина мира и славы.
К Тебе устремляюсь душою своей
С пределов земной державы...

К вратам Твоим путь мне проложен Христом,
Великого Агнца терпением.
Пролиною Кровью, Голгофским крестом
И светлым Его Воскресением.

Хотя я вдали здесь — в чужой стороне,
За станом Небесного града,
Я знаю, мой Бог не забыл обо мне
Средь малого верного стада.

Небесным Отцом я рождён, чтобы жить
Во славе Святого чертога,
И там неизменно и верно служить
Престолу Всевышнего Бога.

Иду я в дом Вечный, к Небесной стране
По узкой, тернистой дороге.
И мыслю, скитаясь здесь на земле,
О встрече с Христом на пороге.

В Отчизне моей нет горя и слёз,
Нет скорби, печали, тревоги,
Там — жизнь!.. Там весна расцветающих роз
Всегда заполняет чертоги.

Обилие мира и правды святой,
Как воды тот край наполняют...
Там светлая радость и вечный покой
Скитальцев земных ожидают.

Любовь там как солнце!.. Сияньем своим,
Бессмертьем сердца согревает
И нежным приятным дыханьем святым
Спасённые души ласкает.

Как дивен и славен чудесный тот Град,
Желаю я видеть очами.
К нему я иду, не страшася преград,
Великого Агнца тропами.

16 *Вы — цветы Христа*

Вы — цветы Христа живые,
Непорочные святые,

Ваши красен Град — Сион,
Ваши славен, дивен он.

Солнце славы вас лелеет,
Теплотою нежно греет,
А роса воды живой
Освежает вас собой.

Аромат ваш — жизни сладость,
Разливающая радость...
Фимиам благоуханья —
Жертва Богу от создання.

Вы цветы — бессмертьем славны,
Пред Любовью вечно равны:
Розы, лилии, жасмин,
Все едины... как Един!

Божье дивное создание —
Его славы созерцанье.
Ваша святость и краса
Отражают Небеса...

17 На пути

Я ныне прохожу тернистый путь страдания,
Христом проложенный в слезах, Святой Крови.
Ведёт меня Он в край заветного желанья,
К Небесной Родине бессмертья и любви.

Я с юных лет сей мир греха оставил
И стал на путь великий и живой,
И жизнь отдал Христу, Его я сердцем славлю,
В душе храня огонь любви святой...

Я Господу служил, за что прошёл темницы,
За веру истине в суровый сослан край.
Ослаб я на пути, но силою Десницы,
Великий Боже, помощь мне подай...

Дай сердцу юному в страданиях терпенье,
Дай мужество в борьбе с коварным ада злом.
Святого Духа дай, святое вдохновенье,
Чтоб я не пал в пути, вошёл в тот Отчий дом.

Я знаю, тот венец, что был из тёрна свитый,
Язвивший иглами главу Царя царей,
Который Кровию Святою был омытый,
Златым готов уж мне в Отчизне вечных дней

18 Церковь

Ты избрана прежде, чем создан был мир,
Царицею райских чертогов,
Где ждёт возлюбивший тебя Божий Сын
За дверью престольных порогов.

Но, смертью пленённая, с древних веков,
Прельщённая силами ада,
Утратила жизнь среди райских цветов
И славу Едемского сада.

Оставила горницу Божьей любви,
Лишённая жизни и славы,
Ты пленницей стала греховных оков
Под узами смертной державы.

И так шли века, но Небесный Отец
Скорбел о Тебе на Престоле.
Он видел, как Ты, побеждённая врагом,
Томилась в тяжёлой неволе.

И, гласу внимая Отцовской любви
Сын Божий выходит с чертога.
Сражаться с врагом Он на землю сошёл
Сам, в силе Всевышнего Бога.

О, Церковь, до смерти тебя Он любил,

И в пытках страдая кровавых,
Он Кровью Своею тебя искупил
От уз преисподней державы...

Теперь ты свободна от рабства греха,
Омытая чистою Кровью,
Крещённая Духом любви Жениха,
Святой неизменной любовью.

Будь светла, как солнце, сердца просвещай,
Грехом омрачённые очи,
Над грешным сим миром зарёю блистай,
Светись, как луна, среди ночи.

Будь светочем истины, Правды столпом,
В стенах своих мир сохраняя,
Великое СЛОВО о Боге живом
Земным племенам возвещая.

Великою силой знамений, чудес,
Свидетельством Духа Святого,
Раскрой тьму неверья; и вечность небес
Открой для народа простого.

Красуйся, как пальма сыпучих пустынь,
Тверда будь, как кедр на Ливане,
В скорбях и гоненьях, в любви не остынь
И твёрдо храни упование.

Цвети ты как роза в букете Христа,
Как лилия лей ароматы
Средь мира порочного, чиста, свята,
Любовью дышать здесь должна ты.

Ты Ангелов выше, начальств и властей,
Что в славе Небес пребывают...
То — Божьи служители... силой своей
Тебя на пути охраняют.

Единственна, избрана Богом Святым
Царицею Вышнего мира,
Готовься войти ты в чертог Жениха—
Уж близок день брачного пира.

И в Царстве Незримых блаженных высот,
Одетая в светлом виссоне,
В венец облечённая в Брачный твой день,
Воссядешь с Христом на престоле.

И в нежных объятьях Бессмертной любви
Забудешь земные ненастья,
Покой обретешь у Христа на груди,
Блаженство и вечное счастье.

19 Гефсиманский сад

Во мгле тёмной ночи, под мраком ветвей
В тиши Гефсиманского сада
Сражался насмерть среди голых камней
Сын Божий с силами ада.

Вот, стон слышен там... Христос тяжело скорбит —
Лицом к земле припадает.
И пот, будто кровь, по ланитам бежит,
Сын Божий в бореньи страдает.

Ад и смерть, силы тьмы окружили Борца,
Хотят душу Его погубить...
Грехи мира на Нём... Взоры скрыты Отца:
Христос Сам должен смерть победить.

Плач и стон слышен там, тяжки вздохи души,
Слезы горечи камень омыли —
То Агнца моление в дремучей тиши.
ОН ОДИН... друзья спят... позабыли.

«Отче! — молится Сын, — да минует Меня

Сия чаша предсмертных страданий...
Но... да будет на всё это воля Твоя» —
И... залился слезами рыданий.

Дух смертельно скорбит... Христос молит Отца,
Просит сил, для души подкрепленья,
Чтобы крест сих скорбей мог нести до конца,
Совершить на Голгофе спасенье.

Ангел Божий явился, рассеявши тьму,
В страданиях Христа подкрепить,
Ибо дело своё Отец вверил Ему:
На Голгофе весь мир искупить.

И молитвам, слезам Отец в небе внимал,
Послал с неба Ему подкрепление,
И всё стихло вокруг, Христос к небу глядит,
Полный мужества, сил и терпенья.

Он готов идти на смерть, преисполнен любви
Отдать жизнь за мир в пытках кровавых.
Бьётся сердце так ровно в усталой груди
Пред угрозами адской державы.

Скрылся вестник Святой, силы тьмы отошли,
В саду листья чуть слышно шептали.
Христос медленно, тихо поднялся с земли
И пошёл, где Апостолы спали.

20 Голгофа

Что ты видишь, стоя на Голгофе, друг мой,
Что там взор твой так сильно пленяет?
Почему ты так плачешь, страдаешь душой
И о ком ты так тяжело вздыхаешь?

Ко Христу на кресте мой прикован взгляд,
И могу ли смотреть я спокойно,
Как там в ранах страдает Спаситель распят,

Говорить лишь о том — сердцу больно!

Он висит на гвоздях, облит Кровью Своей,
В муках тело Страдальца вздрогает.
В ранах жгучая боль все сильней и сильней
Изнурённое сердце терзает.

Из-под терний венка каплет Кровь на Чело,
По ланитам ручьями стекая.
Она льётся из ран от железных гвоздей,
Тело Господа, Крест обагрят.

А Он смотрит спокойно, и взоры очей
Светят нежно святою любовью.
Его взгляд, обращённый на робких друзей,
Чьи сердца раздираются скорбью.

Сильный плач слышен там, на Голгофской горе.
Там друзья безутешно рыдают..
Но... насмешки врагов, злые крики: «Распят» —
Плач и стоны друзей заглушают.

Плачут там Магдалина, Мария и Мать,
У подножья креста припадая,
И любимец Христа—Иоанн в стороне
Там стоит, тихо слёзы роняя.

Робко смотрит и Пётр издали на Христа,
В пылком сердце своем помышляя:
«Мой Учитель, Распятый, сойдёт со креста,
Свершит чудо, врагов побеждая?»

Но Пётр слышит, Он молит Отца Своего,
Обливаясь невинною Кровью,
Он в молитве прощает распявшим Его,
Всех врагов побеждая любовью.

Жажда душу томит, боль сильнее огня

Острым пламенем сердце сжигает...
«Боже Мой!.. О!.. Зачем ты оставил Меня?..» —
В муках Сын так Отца умоляет.

Но толпе всё равно, что невинная Кровь
Ручьём алым на землю стекает.
Христа кротка, святая, безмолвна любовь
Их сердца озлобленны терзает.

Злостью дикой дыша, от креста не идут...
«Жажду...» — молвил Христос, умирая...
Они укусы Ему, насмехаясь, дают,
Жажду мести своей утоляя.

Чашу горечи выпил Христос до конца.
«Совершилось», — сказал, умирая.
«Отче, Дух Мой прими», — просит Сын у Отца,
На грудь голову низко склоняя.

Христос дух испустил, и свет солнца угас,
Пустым мраком Голгофа покрылась.
И раскаты громов были слышны в тот час,
И толпа распинавших смутилась.

Так Христос наш страдал на Голгофской горе,
Свою Кровь там за нас проливая,
За наш грех осуждён... Он нам счастье Своё
И жизнь вечную дал, умирая...

21 *Я возвещаю вам радость*

Царь Август, правитель империи Римской,
Издав повеление перепись начать.
И каждый в свой город чтоб шёл, где родился,
Где город его предков начал обитать.

И вот, в этот день к Вифлеему спешили
Со всех концов люди — кто ехал, кто шёл...
И в шумной беседе друг другу хвалились

О предках, и род их откуда пошёл.

И вот, с Назарета, на перепись эту
К вратам Вифлеема два путника шли:
Жена на ослице. В сандалях разбитых
Шел муж её рядом...

Чета обручённых в глубоком раздумье
Шла в город Давидов указ исполнять
И продолжение царского рода
Божественной волей запечатлевать.

Мужчина был — плотник Иосиф, Мария
Ему обручённой Девой была...
Не знавшая мужа, от Духа Святого
Она уже Сына во чреве несла.

День к ночи клонился... когда к Вифлеему
Два путника, сильно уставших, пришли.
Но бедные странники в городе древнем
Для отдыха места себе не нашли.

Уж город утих, сном беспечным объятый...
В гостиницах гости богатые спят...
Под кров пастухов, куда скот загоняют,
Иосиф с Марией вошли отдохнуть.

И время родить здесь Марии настало...
Чета обручённых с волнением в сердцах...
И первенца — Сына Мария родила,
Его, спеленав, положила в яслях...

Иосиф с Марией в глубоком молчаньи
Смотрели на Сына и, в мыслях своих,
С восторгом в сердцах они вспоминали,
Что сказано Ангелом было для них.

И знали они, что рождённый Младенец

Был Сыном Всевышнего, Бога Любви.
И имя Ему — Иисус, Он — Спаситель
Колен и племен, всех народов земли.

А город весь спал, лишь не спали на поле
У стад своих, стражу держа, пастухи...
Про древние годы они вспоминали,
О Божьих делах воспевали стихи.

Но вот, среди ночи, их свет озаряет,
И Ангел в сияньи пред ними стоит,
Им радость вещает: «Христос вам родился,
Он там, в Вифлееме, в яслях лежит».

И воинство Ангелов низко спустилось,
Хвалу воспевали Царю всех царей,
И хором зывали: «Всевышнему слава,
И мир на земле, и спасенье людей...»

Когда же хор скрылся в сияющем небе,
Спеша, пастухи к Вифлеему пошли.
Там Деву Марию, Иосифа встретив,
Их Сына-Младенца в яслях нашли.

И всё рассказали о том, что слышали:
О дивном Младенце, рождённом в яслях,
Что Он есть Мессия, Христос и Спаситель,
В Нём — воля Благая от Бога всем нам.

Мария, что слышала, в сердце слагала,
Иосиф — дивился о дивных словах.
А те пастухи, возвратившись на поле,
С восторгом хвалили Иисуса в сердцах.

С тех пор миновало так много столетий,
И Тот, кто родился в тех бедных яслях,
Обитель другую нашёл, вы заметьте,
Он в скромных и чистых для неба сердцах.

С яслей Вифлеема, чрез Крест, на Голгофе,
Нам в небо спасенье Он путь проложил.
Чтоб я и ты, брат мой, сестра дорогая,
Вступив на путь в жизнь, Ему верно служил.

22 *Друзьям*

Вас, братья и сёстры, с далёкого края
Приветствую с уз я любовью Христа.
Здесь часто тоскую, вас вспоминая, —
Я сердцем стремлюсь в родные места.

Под светлыми звёздами северной ночи
Я к вам возношуся всем сердцем моим.
Скорбя, я молюсь, и в слезах мои очи —
Тоску изливаю пред Богом моим.

Я дни вспоминаю, как вместе служили
Христу Иисусу и Церкви Его.
Как вместе мы горе и радость делили,
В любви прославляя Отца своего.

Я помню ту радость, блаженство общенья
Исполненных Духом любимых сердец...
Те чудные песни, те дивны хваленья
Стремящихся в небе достигнуть венеч.

Теперь моё сердце о вас вспоминает
В печальной разлуке, в далёком краю.
Но Божья любовь здесь меня согревает
И в узы приносит мне радость свою.

Сердца наши вместе, я чувствую близость,
Дыхание нежной Христовой любви...
О, как велика, дивна Божия милость,
Сроднившая нас в Христовой Крови.

Я знаю, друзья, наши скорби, скитанья

Готовы вы с нами всегда разделить.
Сердечным участием в наших страданиях
Желаете узы вы нам облегчить.

За ваши заботы, за жертвы святые —
Приятный пред Богом любви фимиам —
Вам шлю благодарность, друзья дорогие,
А Бог во сто крат пусть воздаст милость вам.

Я скоро вернусь... А вас умоляю
Пред Богом в молитвах меня вспоминать.
За Истину твёрдо вы стойте, — я знаю,
Господь вам поможет свободы дождать.

Мы с Божией силой пройдем все сраженья,
С победой вернёмся в родные места.
И в счастье блаженном святого общенья
Все вместе прославим Творца и Христа.

Север, 1950 год

23 Любовь

Святая Любовь, средь лазурных красот,
Ты в славе небес обитала,
Но мир этот спасти сошла Духом с высот,
На земле, воплотившись, жить стала.

Я там, на Голгофе, Тебя увидал,
За мир грешный Ты Кровь проливала
И молилась о тех, кто Тебя распинал,
А разбойнику жизнь даровала.

Сокрыта была каменистой плитой,
Запечатана в гробе лежала,
Но прошло лишь три дня и Ты, силой Святой
Мрак смерти расторгнув, восстала.

И явилась Зарёй, просвещающей День,
Над грехом омрачённой землею...

И как солнце взошло, разогнав смерти тень,
Ад повергнула силой Святою.

И, оставив лежать пелены мертвеца,
Ты воскресла под славой Бессмертья:
И, как волны река, несла людям в сердца
Вечный мир и святое спасенье.

Хоть преследовал враг, видя милость Твою,
Как Ты грешникам жизнь даровала —
Он сражался с Тобой в кровавом бою,
Но везде Ты его побеждала.

На крестах и в кострах, в пастях диких зверей
Муки пыток кровавых терпела...
Но бессмертно жива, среди всех тех скорбей
Всё сильнее огнем Ты горела.

И летела вперёд, как на крыльях орла,
Через годы, моря, океаны,
До конца всей земли!.. Людям жизнь Ты несла,
Исцеляя греховные раны.

Твоё имя—Любовь... — оно пламень живой,
Зажигая людские сердца,
Жизнь творит, обновляя дух Церкви Святой,
Где народ прославляет Творца.

Гордых духом людей Ты смиряешь Собой,
Души хлебом Небесным питаешь,
Орошаешь сердца Кровью Агнца Святой—
Живой влагой—дождём поливаешь.

Ты к постели больных с утешеньем идёшь,
Вместе с плачущим слёзы роняешь,
В тюрьмы, к узникам жертву святую несёшь,
И с голодным Ты хлеб разделяешь.

Ты, как Мать для сирот, верный Муж для жены,
Своей милостью их призираешь,
Кто во имя Твоё даст хоть кружку воды,
Ты награды того не лишаешь.

Широка, высока, бесконечна Любовь!..
Глубины твоей нету пределов...
Не постигнет Тебя разум всех мудрецов,
Тайн Твоих беспредельных уделов.

Ты дарована в Сыне Небесном Отцом
Для спасённых, искупленных Кровью,
Святым Духом излита в сердца Ты Творцом
Даром Вечным, Бессмертной Любовью...

24 Пастырям

Вы — пастыри Господнего народа,
Сыны—сопастыри, наследники Отца,
Священство царственное избранного рода,
Послушайте, что скажет вам овца.

У нас сегодня пажити обильны,
Потоки чистые полны живой воды,
Все овцы сыты, агнцы ваши сильны,
И зной не жжёт, и нет ни в чём нужды.

И пастыри заботливы и нежны:
Больных врачуют, слабых берегут,
Вся их забота — овцы белоснежны —
Во время моют, чистят и стригут...

«Стригите нас!.. Но шерсть... отдайте Богу,
Мы овцы Пастыря, Распятого за нас.
В Небесный край открыл Он нам дорогу
И дал для нас сопастырями вас.

Петух Петру открыл на правду очи —
Где было «я», там море горьких слёз,

Так не оставьте стадо среди ночи:
Пасите нас во дни зимы и гроз...

Мы — овцы Божьи, жвачку мы жуём,
И копытца раздвоены, как нужно,
Но без воды и пищи не живём
И в холод — мёрзнем... В зной нам очень душно.

Мы гибнем от волков... Коварный враг
Под нашей шерстью — кто его узнает?
У вас, сопастыри, Господень меч в устах,
И Дух Святой вам мудрость открывает.

Пасите нас! Нам сладки Божьи Нивы,
Потоки чистые приятно пить.
Мы ж обещаем быть послушны, не ретивы
И к смертным пажитям и к лужам не ходить.

Мы жить хотим, не год, не сто, но вечно!
И это право дал нам Пастырь наш.
Его мы любим искренне, сердечно,
А так же любим, братья наши, вас».

25 *Лицемерам*

Если много и всем говоришь про Христа
И поют Ему песни уста,
А вот к сердцу замком запечатана дверь,
Значит ты неплохой лицемер.

Если длинной молитвы прекрасная речь,
Как рекою готова потечь
С тем, чтоб люди сказали: «Достойный пример!» —
Значит ты неплохой лицемер.

Если в горе, в несчастье иль просто в нужде
Всем вниманье желаешь к себе,
А к другому на помощь ни шагу ногой,
Значит, ты лицемер неплохой.

В новом доме живёшь, ешь и пьёшь досыта,
И все есть... нету только... Христа!..
Я украшенный гроб ставлю пред тебя,
Лицемер, узнаешь ли себя?!

26 *Лукавым*

«Адам, Адам, где ты?!»

«Я здесь в кустах с женой стою,
В смоковых листьях здесь сокрыл
Я... наготу свою...»
«Зачем ты заповедь презрел?»
«То разве я?
Жена, какую дал Ты мне,
Она сорвала... И я — ел...»

За ним и Ева: «Что ты, я?!
Тут нет вины моей.
И разве я б могла сорвать,
Если б не хитрый змей?»

В лукавом сердце нет вины —
В кусты бежит скорей...
А если там найдут его —
Виновен только змей...

27 *На море*

Бушует море подо мною,
Пенясь, бросается волнами
И, разъярённое ветрами,
Ревёт как зверь, смертельно злой, —
Все поглотить готов собой...

Безумно гордым пылом власти
Кипит и рвёт рыбачьи снасти,
И алчет с жадностью мой чёлн
Во тьму бездонну опрокинуть,

И в пасти бездны жертвой кинуть
Безумным правом гордых волн.

Плыви, мой чёлн! Маяк у берега,
Желанны: пристань, счастья нега,
На твой призыв Его ответ:
«Плыви, прими приют желанный,
Надежды луч, тебе Мной данный,
Густая тьма не скроет, нет!»

ОН — ЖИЗНЬ! ОН — ИСТИНА! ОН — СВЕТ!!!

28 *Руфь Моавитская*

Был голод, от Бога, в стране Иудейской
Во дни, когда правили судьи страной.
Народ, поселённый в стране Аморрейской,
Склонил своё сердце к святыне чужой.

Богам чужеземным при жертвах кадили,
Своих сыновей чрез огонь проводили,
Забыли Египет и все чудеса,
Забыли пустыню, где Бога роса
Их хлебом и манной питали.

В то тяжкое время искать пропитанья
Ушла с Вифлеема с семьёй Ноеминь,
И долги и горьки их были скитанья
Под зноем палящим безводных пустынь.

Поля Моавитские их приютили —
Под кров чужеземцев от горя пришли,
Потомки Моава их хлебом кормили,
И дальше от них никуда не пошли.

Два сына и жён с того племени взяли,
Свекровь в них своё утешенье нашла.
Нужды никакой она с ними не знала...
Но в счастье недолго семья там жила

Прошедших дней тяжесть и долга разлука
С полями родимой отцовской земли,
Чужая сторонка и горькая скука
Сынов двух и мужа в могилу свели.

Осталась свекровь Ноеминь со снохами,
Одной имя Орфа, другой имя Руфь,
К свекрови они прилепились сердцами,
Как в горе друг к другу прилепится друг.

В печали великой свекровь утешали,
С ней горе своё разделили они,
Сердца их любовью друг к другу пылали,
И мать-чужеземку забыть не могли.

Но, время настало, свекровь услышала:
Господь посетил Иудейский народ,
Земля их обильна, богатою стала,
Не знает нужды и прошедших невзгод.

И сердце, томимое долгой разлукой,
Изъявлено горем настигших скорбей
С утратой любимых, измучено скукой,
Стремилось к родине милой своей.

Пошла Ноеминь в свою землю родную,
Где жертвенник Богу живому стоял,
В страну, где Господь Свою руку святую
В делах Своих славных народу являл.

С ней Орфа и Руфь пошли в путь им неведом,
Оставив простор Моавитских полей,
Покинули дом свой и землю родную,
Пошли в край далёкий с свекровью своей.

В пути Ноеминь им сказала: «Родные,
Останьтесь в пределах родимых полей,

Здесь выйдете замуж, ведь вы молодые,
А я вам уже не рожу сыновей.

Вы, каждая, в дом свой родимый идите,
Пусть даст вам приют вновь родительский дом,
И милость Господню и счастье найдете
За доброе сердце, за вашу любовь».

Но горько рыдая, ей снохи сказали:
«Ты мать нам родная, с тобою пойдём,
В тебе твой народ мы великим познали,
С тобою мы там своё счастье найдём».

Но та убеждала... И Орфа простилась,
И обняв свекровь и рыдая, ушла...
Скорбя, Ноеминь о ней Богу молилась,
Чтоб счастье она в доме мужа нашла.

Но Руфь не пошла, хоть свекровь убеждала:
«О, дочь, догоняй ты подругу свою...
К богам возвращайся — ведь с детства их знала —
Зачем оставлять тебе землю твою?»

Руфь, сильно рыдая, свекровь обнимала,
Твердила всё ей: «От тебя не уйду, —
С тобою я счастье и горе узнала,
С тобой буду жить и с тобою умру.

Куда ты пойдёшь, я пойду за тобою,
Твой Бог будет Богом моим навсегда,
Земля твоя будет навеки родною,
С пределов её не уйду никогда.

Народ твой не будет мне чуждым народом,
Страну ту родной буду я называть,
С твоим я навек породнилася родом,
И смерть лишь одна может нас разлучить».

Великую верность, любовь неземную
Свекровь не могла от себя отвернуть
И с Руфью пошла в свою землю родную,
Надеясь, что в Боге там милость найдут.

Пришли к Вифлеемским полям необъятным,
К просторам прославленной Богом земли,
Так в землю отцов возвратились обратно
С полей Моавитских лишь двое они...

Придя, Ноеминь залилася слезами,
Дни прежние вспомнив, скорбела она...
Женой уходила, с двумя сыновьями,
Назад возвратилась вдовою она...

И ветер родимый, лаская, тревожил
Печальное сердце в труди Ноеминь.
Как будто из мёртвых пред ней край весь ожил,
Не видно, как прежде, безводных пустынь.

Вошли в Вифлеем, город древний, в тревоге,
Встречать Ноеминь весь поднялся народ...
Почтили невестку, как надобно, в Боге
И мать, чей издревле прославлен здесь род.

Свекровь им сказала: «Меня Ноеминью
Теперь не зовите... «приятной» была...
Теперь стала Марой я, «горькой полынью»,
От Бога мне горькая жизнь суждена».

Остались там, в Вифлееме, где прежде
Семья Ноемини в довольстве жила.
Теперь они жили лишь только в надежде,
Чтоб милость Господня им благодать дала.

Руфь в поле колосья в дни жатвы искала,
И этим питались с свекровью они...
И в скудной сей жизни чета не роптала,

И мирно, и тихо проходили дни...

Но родственник дальний — Вооз его звали —
На поле своём чужеземку видал.
Он слугам сказал, чтоб ей хлеба давали,
К трапезе жнецов он её приглашал.

«В глазах твоих милость снискать чем смогла я?
Ведь я — чужеземка, — Руфь молвит ему.
— Я слуг твоих ниже, пришла лишь, желая
Колосья собрать... но тебя не пойму...»

«О, дочь, ты достойная полной награды
От Бога живого за добры дела,
Тобою твой муж и свекровь были рады —
В чужом им краю ты отрадой была.

Я слышал, как ты поступала с свекровью
По смерти любимых её сыновей,
Вдовой ты осталась, но верной любовью
В тот час прилепилась к свекрови своей.

Ты дом свой оставила, землю родную,
Богов Моавитских презревши, ушла...
К народу иному ты в землю чужую
Под крылья Всевышнего Бога пришла.

Ты, дочь, приходи, пока жатва на поле,
Колосья ячменя ты здесь подбирай...»
Жнецам же сказал, от снопов, к её доле,
В дни жатвы чтоб каждый ячмень ей давал.

Как дальше всё было — то Библия знает,
Подробно не буду о том здесь писать...
Закон так гласит, верно, Бог так желает:
Умрёт жены муж, должен брат её взять.

Руфь стала женою Вооза...и сына

Родила на радость свекрови своей,
Так к корню привилася дика маслина,
Над ним расцвела красою ветвей.

И славно — великой была ветвь Овида,
Она в Иессея потом возросла,
Иессей подарил миру сына — Давида,
Давид, чрез потомков, — Иисуса Христа.

Ту добрую память о славных деяньях,
О подвигах правды, о силе любви
Века сохранили в священных писаньях,
Дабы мы подражали им в наши дни...»

29 *Мария Магдалина*

Израиль праздновал субботу.
Велик Пасхальный день... заботу
Никто ни в чём не полагал...
И только мыслью вспоминал

Египет древний, где рабами
Израиль был... Но чудесами —
Десницей Божьей был спасён...
Пасхальным Агнцем ограждён
От смерти первенцев любимых.

Заветной кровью искупленья
Добыв себе освобожденье,
И в землю древнюю вступил,
Где Авраам, отец их, жил...

Прошли века... тысячелетья...
И в перво новое столетье...
Израиль Пасху ту все чтит,
А сам в другом Египте жил...

Под властью тьмы греха и смерти,
Под жезлом тьмы греха и смерти,

Под жезлом римских цезарей
Число урочных кирпичей,

Как прежде, делал и вопил,
Спасенья в Господе просил —
Мессию ждал он, избавленья,
С Египта вновь освобожденья...

...И вот пришёл Мессия званный,
Христос явился долгожданный...
Среди немногих, кто принял,
Кто в Нём Спасителя узнал,
Была Мария Магдалина...

Был праздник Пасхи, и Мария,
Иисуса Мать, и Саломия
В покое праздничном сидели,
Смотрели только... но не ели...

Ведь день сей им напоминал
Того, Кто в гробе там лежал...
Без горьких трав им горько было...
Сидит и плачет Магдалина...
Пред ней предстала вся картина,

Как жил Христос и как учил,
Как Он страдал и как почил...
И сердце молодой Марии
Омылось скорбью огневой,

Печали горького страданья —
Невыразимого терзанья —
Душа сносить уж не могла...
«Скорей пройди, ночная мгла,
Скорей исчезни, тень сомненья,
Приди, желанное забвенье,
И успокой ты грудь мою...»

Ведь не могла Того забыть,
Кто обещал ей вечно жить,
Кого Раввуни называла,
В Ком увидала жизни свет,
Того в живых теперь уж нет...

И тут, невольно, перед ней,
От самых ранних юных дней
Проходит жизнь в воспоминаньях...

Богатый дом... сады... аллеи,
Невинной юности затеи...
Коварный запах алых роз,
Что довели её до слёз,

И тихо смерть её ласкала —
Змеиным ядом напояла....
А после сам лукавый змей
Вселился прямо в сердце ей...

И дева, слывшая красой,
Богатством жизни молодой,
Теперь в презрении была —
В народе блудницей слыла,

Проклятьем все её клеймили,
Хотя в грехах и сами жили,
Но, по закону, ведь она
На смерть должна быть отдана...

О, горечь явного обмана! —
Неисцелима в сердце рана...
А обманувший древний змей
Коварно тешился над ней...

Такой была, как повстречала
Того, Кого душа искала...
Его так сердце всё ждало

Порочной девы Израиля...

Нашла Того, Кого не знала,
О Ком, как в сказке, лишь слыхала:
«Мессия дивный к нам придёт
И всем спасенье принесёт».

Среди безвидной Галилеи
Его нашли... Не средь аллеи,
Но там, где грешников толпа,
Его проходила тропа...

И... заливался слезами,
Мария вся ушла мыслями
К той дивной встрече пред толпой,
Когда Христос Своей рукой

Её коснулся и сказал:
«Ты, древний змей, её оставь!..
Тебе, Мария, Я прощаю
Грехи твои... и завещаю

Всем сердцем Господа любить,
И будешь ты с Ним вечно жить...»
О, как прекрасен был тот час,
Когда Христос от смерти спас!

Толпа каменья побросала,
А Магдалина у ног рыдала —
Слезами счастье изливала...
Не знало сердце, что сказать
Тому, Кто может так прощать.

Кто семь бесов, как ночь, изгнал
И дать ей Царство обещал...
О, как могу я то забыть?
«Раввуни мой, зачем мне жить!

В могилу б мне к Тебе сойти
И там покой себе найти...»
И тут Мария вспоминает,
Что не одна она рыдает,

Ведь Он для многих близким был,
Ведь Он так нежно всех любил...

Когда за Ним везде ходила,
Ему имением служила...
Видала всё, что Он творил,
Как людям Он благодетель:

Слепые солнце увидали,
Хромые, радуясь, скакали,
Больные шли с постелью в дом,
Язык немого пел псалом...

Кому в нужде Он отказал?
Кому неправду Он сказал?
Он был так чист, как солнца свет,
В Небесну святость был одет...

О, злые люди, вы зачем
Кровавым стали палачом?
Зачем распяли вы Любовь,
Зачем лилась невинна Кровь?

Сего понять я не могу,
Сего снести я не смогу...
«О, мой Раввунни, как Тебя,
Земля пусть примет и меня...»

И сердце бедной Магдалины,
Как будто первоцвет маслины,
Внезапно громом сорвало
И бурным ветром унесло...

«Ведь не могу того забыть,
Всё время, сколько буду жить,
Как мой Спаситель, мой Христос,
Тяжёлый крест на плечах нес...

И в тот тяжёлый страшный час
Он не забыт скорбящих нас...
Он нежным взором всех обнял
И нас, страдая, утешал...

А грешный люд кричал: «Распять!..
На крест Его скорей поднять!»
А мой Раввуни под крестом,
Ослабши, падал... а потом...

Вставал... и в гору крест Свой нёс,
Как будто и не был Христос!..
Ты море словом усмирял,
Мятежной буре воспрещал,

Из гроба мёртвых возродил,
Меня с оков освободил!..
Но что же ныне вижу я,
Раввуни, сила где Твоя?!

Когда во град святой въезжал,
Народ одежды подстилал,
Тебе младенцы славу пели,
На царский трон возвесть хотели,

Но ныне, вот, они кричат:
«Сего Царя на крест!.. Распять!»
Сего понять я не могу!..
Сего снести я не смогу...»

И сердце женское, скорбя,
Горело в пламени огня.
И слёз не стало, чтобы лить,

Чтоб пламень в сердце угасить.

Народ шумел... Народ терзался,
В великой злобе бесновался...
Меж них лежало три креста —
Для двух злодеев и Христа...

...Но вот глухие слышно звуки,
То били гвозди в ноги, руки,
Потом средь яростной толпы,
Восстали смертников кресты...

Кроваво-тягостна картина...
И как же может Магдалина
Когда-нибудь всё то забыть,
Пока на свете будет жить?..

Голгофский крест стоял пред ней:
Кроваво дело палачей...
Христос висел, залитый Кровью,
А взор Его Святой любовью

Всё так же нежно обнимал
Друзей и тех, кто распинал...
О, что за дивная Любовь:
Ручьями с ран струится Кровь,

Венок терновый и позор
Не затемнили светлый взор...
Мария слышит, как Христос
С креста молитву произнёс:

«Прости тем, Отче, что казнят,
Они не знают, что творят...
...Свершилось!» — громко возопил
И, Богу дух предав, почил...

Затмилось солнце над горою,

И ночь густою, темной мглою
Внезапно землю облегла...
Природа видеть не могла
Творца святого униженье...

Гроза и ветер взволновались...
Раскаты грома вдруг раздались,
И в стрелах молний гнев кипуч
В толпу вонзал их с черных туч...

Толпа мятежная смутилась,
В великом страхе притаилась...
А в блеске молний крест вставал,
Толпу безумную пугал...

Гора Голгофа содрогалась,
Земля, как колыбель, качалась...
Стихии грозное волненье
Изобличало преступленье...

Народ с Голгофы уходил
И в грудь себя, как мытарь, бил...
Невинной Крови осужденье,
Казалось им, наводит мщенье.

Голгофа вскоре опустела,
Чего Мария и хотела...
И дева с Матерью Христа
Пришла к подножию креста...

Вот Он висит, облитый Кровью...
Пронзёны руки, что с любовью
Ко всем протягивал Христос...
«О, мой Учитель, Ты понёс
За что такое поруганье?..»

...Огонь скорбей горел... пылая,
Мария пала, обнимая

Подножье мёртвого креста,
А утомленные уста
Плачевну песню воспевали...

Иосиф так их там нашёл,
Когда снять Тело он пришёл,
По разрешению Пилата...
Как велика была утрата
Для верных любящих сердец...

Обвили Тело в плащаницу
И понесли Его в гробницу...
Иосиф там, в саду своём,
Последний дал Христу приём...

... Мария с жёнами смотрела
Как погребали... и хотела
Последний долг Христу отдать...
Но... поздний час... где мира взять?..

... Ко гробу камень привалили...
И... каждый к дому поспешили:
Субботный день был в их домах,
Там ждала Пасха на столах...

Застыло солнце при закате,
Скорбя как будто об утрате...
Лучи остывшие его
Уже не грели никого...

... Природа мёртвой тишиною
Была объята той порою,
В саду лишь листья, шевелясь,
Как будто шёпотом молясь,
Уныло песню воспевали...

...А Магдалина всё стояла
У гроба с жёнами... Рыдала...

Куда же ей теперь идти
И где покой душе найти?..
Кто дал бы сердцу утешенье?

Пасхальный день был на пороге...
И всем, кто чтит живого Бога,
Субботный день вещал покой...
Но мог ли он теперь собой

Утешить сердце Магдалины?..
...Как лист оторванный маслины
Зимой нельзя озеленить,
И только раннею весною
Златое солнышко собою
Маслину к жизни воскресит.....

Склонилось солнце за горою.
И сад безмолвной тишиною
От гроба женщин провожал.
И только Бог Один лишь знал
Всю скорбь и горе Магдалины.
И праздник Пасхи мог ли ей
Печали слёзы смыть с очей?..

Душа не знала утешенья...
И только лишь одно стремленье
Горело в сердце — чтоб прошла
Скорее ночь. Она б пошла
Помазать Тело Иисуса...

Но ночь исчезнуть не спешила.
В глубоком мраке гроб укрыла
И тех, кто стражей там стоял,
Дневного света ожидал.
Как и Мария Магдалина...

Заря блеснула, и Мария,
Иисуса Мать и Саломия —

Все взяли мира и пошли...
И вскоре к гробу подошли...
А солнце им лучи бросало,
Как будто радуясь, блистало,
От сна всё к жизни воскрешая...

В саду деревья зашумели,
И как-то дивно птицы пели.
И трель чудесну соловья,
Проснувшись, слушала земля...

И ветер встречный их ласкал,
Дыханьем жизни обнимал.
Но и при цвете ранних роз
Глаза Марии полны слёз...

Она того не понимает,
Чего так солнышко играет,
Чего так весел соловей...
Она спешит, идет... скорей...
Ей сердце мысль одна разит:
Как камень у гроба отвалить?..

Уж близко... там вот, под скалою,
Под чёрной каменной плитою
Она Учителя найдёт
И тихо в гроб к Нему войдёт —
Помажет миром Иисуса...

Но горе к горю прилепилось
И в сердце женское вонзилось:
... В гробу Мария не нашла
Того, к Кому теперь пришла —

Лишь плат и пелены лежат,
Чем жёны Тело обвивали...

Увяло сердце Магдалины,

Как листья вянут у маслины.
Последний луч во тьме угас —
Разбил надежду страшный час...

«Раввунни!.. Кто, куда унёс?
Неужто Ты не был Христос?
Неужто памятью о Нём
Не будет гроб на месте сём?!»

И, плача, к гробу наклонилась,
И, удивлённая, смутилась:
Гроб тёмный светом осиял,
И Ангел Божий там стоял...

И, обернувшись, увидала...
Садовника... ему сказала:
«Ты Тело взял?.. Куда унёс?..
Ответь скорей на мой вопрос...»

Садовник ей в ответ: «Мария!..
Я твой Христос!.. Я твой Мессия!»
«Раввунни мой! Ведь это... Ты?!..
Господь мой Бог!.. Тебя найти

Хотя бы мёртвым я желала...
А Ты — Живой!..» — и в ноги пала.
И обнимая, поклонилась...
И чуду дивному дивилась...

Христос сказал: «Беги скорей,
Возрадуй плачущих мужей.
Скажи, из мёртвых Тот восстал,
Кто их в Апостолы избрал.
Скажи, Я жду их в Галилее...»

И Магдалина побежала,
Нашла мужей и им сказала:
«Христос воскрес и вас зовёт!

Он в Галилее вас там ждёт...

В саду Его я там видала,
Пред Ним стояла, не узнала:
Он весь в сиянии блистал,
И Ангел в гробе там стоял!..

Христос воскрес! Христос воскрес!
Во славе Господа Небес!»
Мария всем сказать спешит,
Кто третий день о Нём скорбит.

И в тёрнах роза расцветала,
В сияньи дня благоухала...
... И ветер жизни аромат
Туда уносил, где Пилат
Навёл тень смерти и сомненья...

... И сад с увядшею листвою
Ожил, согретый теплотою...
И дождь Небесный орошал
Деревья, К жизни воскрешал
Под солнцем счастья и свободы!..

30 Гимн хвалы Творцу

Великий Бог, Всеведущ, Всемогущий,
Творец Премудрый неба и земли,
Творенья гимн, хвалу Тебе несущий,
Как жертву Авеля к престолу ты прими.

Заря взошла, природу пробудила,
Зачала песнь сияющего дня.
Поёт о том, какая в свете сила,
Как тьма бежит от Божьего огня.

И хор запел: луга, поля и горы,
Леса и степи, реки и моря,
И всей земли великие просторы

С восторгом славят Вышнего Царя.

Приятно им сиянье жизни света.
В Нём их дыханье, слава и краса,
Его теплом вселенная согрета,
И рождена живительна роса.

Хвалебный гимн поёт тебе созданье,
Перстов Твоих величье, чудеса.
Всему Ты жизнь дал, силу и дыханье,
Что наполняет землю, небеса.

Поют Тебе все рыбы океанов,
Морей и рек и множества озёр.
И птицы всех родов, пород и всяких станов
Хвалой наполнили подоблачный простор.

Звериный страшный рёв, и нежный голос чайки,
Жужжанье пчёл, и рыбы шорох тих,
И шумный хоровод всех жителей лужайки —
Слились хвалой Питающему их.

Поют, поют: зима — метелью, стужей,
Весна — цветущим голосом садов,
И лето, продолжая песню ту же,
Встречает осень, полную плодов.

Поют, поют — четыре поры года,
И день и ночь хвала их не молчит.
В каком народе ни была б природа,
Она о дивном Боге говорит.

И светлая луна, покой их охраняя,
Как страж ночной, чуть слышно песнь поёт.
И миллионы звёзд, песнь эту повторяя,
Как славу воинства, Творцу хваленье шлёт.

А солнце, солнце — дар Господней славы,

В лучах Его несметная хвала
Творцу за то, что всей земной державы
Оно источник жизни и тепла.

Земля поёт, и небо славит Бога,
«Осанна в вышних!» — Ангелы поют,
В стенах славного, небесного чертога
Достойному честь, славу воздают.

Какая песнь, какие дивны звуки!..
Но что ещё Творцу недостаёт?..
Кого ещё создали Его руки?..
И кто молчит, кто песню не поёт?..

О, человек! — Перстов Господних слава,
Тебе Творец всё в мире покорил,
И чем наполнена вселенная держава,
Тебе, о человек, Всевышний подарил.

А ты молчишь, восстань скорей, проснися,
Заря взошла — Христос пришёл к Тебе.
К Нему иди, к Нему иди, явися
Таким, как есть, ведь Он зовёт к себе.

Приди и пой про дивное спасенье,
Победы песнь Простившему тебя,
Про смерть и жизнь, про славу воскресенья,
Тому, Кто в жертву миру дал Себя.

Приди и пой, твоя ведь песнь всех выше
В ней полнота любви и чистоты
И жизни вечной, данной тебе свыше
Крестом Голгофским, встань, воспой и ты!!!

Ты, Церковь, пой, земля Тебе внимает,
И небо вторит дивным тем словам.
Хвала Творцу, Кто грешников спасает,
И град небесный дал Своим сынам.

Хвала! Хвала! Осанна! Аллилуйя!
Воспойте юноши, и дети, и отцы,
Все племена, языки, торжествуя,
Творцу воспойте, всей земли концы.

31 Горлица-Мать

*Вот, зима уже прошла;
дождь миновал, перестал;
Цветы показались на земле;
время пения настало, и голос горлицы
слышен в стране нашей (Песн. 2:11-12)*

Зима миновала. И ранней весной
Земля пробудилась, так дивна собой!
Украсилась цветом зелёных лугов
И песнями звонкими славных садов.

То Горлица-Мать свою песню поёт
О жизни, о счастье и, вместе с тем, вьёт
Гнездо дорогое для милых птенцов,
Они прилетят к ней с далёких концов

Проведать любимую, милую Мать,
Утешиться лаской, про всё рассказать —
Как было им трудно порою летать
И пищу в пути для себя добывать;

Как море иных поглотило собой
Волнами пенящими, бурей, грозой;
Как силы слабели и где же найдут
То место на море, где сесть отдохнуть?

О, крылья, о, крылья! Лишь только на вас
Надежда спасенья в тот гибельный час!
Иные в сетях были, вырвались вновь,
Изранили ножки от смертных оков.

Другие же там остались навсегда,
И Мать их не встретит теперь никогда.
Погибли, прельстившись змеиным зерном,
Уснули навеки погибельным сном.

Расскажут птенцы и о том, как они
Птенцов уж своих вокруг себя развели:
Как радостно было в далёком краю
Им видеть рождённую ими семью.

И, вместе поднявшись, учить их летать,
Как воду и пищу под небом искать,
Чтоб были способны бороться и жить
И так же птенцов вокруг себя разводить.

Так Горлица-Мать повстречала птенцов,
Иных одиноких, других уж отцов,
И всех приласкала любовью своей,
Усталых, измученных тяжестью дней.

Погибших оплакала горечью слёз,
Но скоро утешилась, видя, как роз
Кусты расцветали, и снова в гнезде
Щебечут птенцы, прося пищу себе.

И радостно было ей видеть свою
Любимую ею, родную семью.
И песню весны пела Горлица-Мать
О том, как она хочет больше рождать

Птенцов, чтоб летали под славой небес,
Чтоб песни их слышали поле и лес
О счастье, свободе, о дивной любви,
Чем славны, богаты весенние дни...

Но снова зима, снова стужа, метель.
Деревья так мрачны. И только лишь ель

Зелёная так же, как прежде, стоит,
Но снегом покрытая стонет, молчит.

И Горлица скрылась в ущелье скалы
Под кровом утёса, где море валы
Пенящие катит, о берег их бьёт
И страшно шумит и так грозно ревёт.

И плачет кормилица: «Где вы, птенцы?..
Вы вновь разлетелись в разны концы,
Вернётесь ли вы, устоите в борьбе,
Найдёте ли пищу и отдых себе?

Не будете ли вы в сетях погибать,
Чтоб мне потом плакать, напрасно искать?
Птенцы дорогие, родные мои!
Не вечно зиме метать вьюги свои,

Не вечно сады будут стыть и страдать,
Весна вновь придёт, и её ожидать
Вам с верой должно — и будете вновь
Петь песню свободы у дивных садов.

И Горлица-Мать вас воспримет, любя,
С отрадой и лаской весеннего дня!!!

32 *Господь грядёт!*

Ликуют все, земля полна веселья,
Народам кажется — настал желанный мир,
Без войн, разрухи, скорби и страданья,
Сбылись мечты и древние чаянья,
Низвержен меч — жестокий, злой кумир.

Сажайте, стройте, женихи, невесты,
Под сенью мира горю не бывать,
Настало время петь и веселиться
И полной мерой жизнью насладиться,
А смерть придёт, так будем умирать.

Беспечность дней лукавой дешевизны,
В расцвете грех, прельщенье и обман,
И даже пилигримы Царствия Христова,
В пути вздремнули — Церковь, будь готова.
Окутал землю соблазнов туман.

Земля пирует, жизнью наслаждаясь,
И вдруг тревога: «Люди, люди, где?!
Исчезли где-то эти богомолы,
Ушли куда-то в степи или в горы,
Или уплыли где-то по воде.

Христа ушли встречать эти безумцы.
Они о Нём твердили день и ночь.
Поднять всю технику на воздухе и в море,
Сомненья нет, найдём мы их и вскоре
Посмотрим, как им Бог придёт помочь».

Но вот другие слышно голоса...
«Меня послушайте: с сестрой мы рядом спали,
Проснулась — полночь, в комнате одна,
Включила свет и ахнула: о, Боже,
Замок как был, одежда здесь... на что это похоже?!
Вздрыгнуло сердце... в Господе она.

Я с нею вместе Господу служила,
Но, как Рахиль, я тайно под седлом
Носила в сердце грех и горьку зависть,
Терзала часто душу и ненависть,
Сестра ж платила мне любовью и добром».

«Вот я скажу: с женой мы в поле были,
И просмотреть побег я там никак не мог,
К тому ж, смотрите: вот её одежда,
Нашёл на поле — скажете невежда, —
Но не иначе: взял их в небо Бог.

Теперь я понял, Боже мой, о Боже,
Цену её молитвам и слезам,
Цену греха, бессмысленных желаний,
Насмешек злых, её души терзаний,
О, люди, люди, горе, горе нам».

Гробы отверзлись силой воскресенья,
Какие? Чьи? — Поклонников Христа.
Рассеялось людей недоуменье:
«Свершилось Церкви в небо восхищенье», —
Ужасна весть идёт из уст в уста.

Затмилось солнце будто власяницей,
Луна повисла, красная как кровь,
Взыграли водами неслышны ураганы,
Земля колеблется — знаменья Богом даны,
Суд Божий близко — ясно всем без слов.
И стон унынья сердце разрывает:
«Закрылась дверь — спасенья больше нет,
А может, есть — пойдём, поищем к морю...
Блесни хоть искоркой, надежда, тому горю,
Что нас постигло... Боже, дай ответ!

Вернись, вернись, вчерашний день спасенья,
Одной минуткой к нам ты загляни,
Одним мгновеньем милости великой
Порадуй жизнью средь пустыни дикой,
Средь смертной тьмы прощением взгляни».

Стенают люди, страхом удручённы:
«Покройте, горы, стыд наш и позор
И нашу гордость — башню Вавилона —
С её надменной ложью у трезвона,
Провозгласившей истину за сор».

Безмолвно небо, гнев приготавливая,
Тысячелетья милости даря,
Любило всех, прощая, умоляло,

В чертоги вечной жизни приглашало,
В Отчизну славы Бога и Царя.

Мой брат, сестра, готовы вы сегодня
Встречать Христа с хвалою на устах?
Сними пороков тягостное бремя
И освятись, пока ещё есть время,
Пока ещё есть милость на часах.